

ИСТИННОЕ ПОВѢСТВОВАНИЕ

ИЛИ

ЖИЗНЬ ГАВРИЛА ДОБРЫНИНА,

ИМЪ САМИМЪ ПИСАННАЯ.

1752—1823.

§ XLIII*).

1788 годъ.

Претерпѣвая много въ перемѣнѣ и невыгодѣ квартиръ, купилъ я съ публичнаго торгу — въ 1793 году — мѣщанской небольшой домикъ на Борисоглѣбской улицѣ. Но мнѣ никогда ничего не удавалось здѣлать безъ препятствія. Уголовной палаты совѣтникъ Варопановъ, фигурка по виду и понятію своему очень мало значущая, но нигдѣ ничего не пропускающая въ свою пользу, услужилъ мнѣ, подъ образомъ переторжки, надбавкою третей части цѣны, увѣренъ будучи, что мнѣ и домъ надобенъ, и что я заплачу въ силахъ. Онъ и не ошибся; ибо возвышенную имъ и заплаченную мною цѣну раздѣлили съ тѣмъ несчастнымъ плутомъ, чей продавался домъ.

Я напередъ уже размыслилъ, что домикъ, въ разсужденіи недавней постройки и положенія мѣста, удобно было образовать; въ немъ было четыре небольшихъ разной мѣры покоевъ, пятья и шестыя сѣни. И я обдѣлалъ его сколь можно поопрятнѣе. Двери, окна далъ ему новые, пропорціональныя. Печи, полы, и толки, не мѣщанскіе, обшилъ снаружи досками, по угламъ

*) См. «Русскую Старину», т. III, изд. 1871 г., стр. 119, 247, 395, 562, 649 т. IV, стр. 1, 97 и 177.

Ред.

20

положилъ рюстики и, гдѣ надобно, пиластры; крыльцо сотворилъ нарядное. Баню здѣлалъ новую; людской флигель и сарай, хотя изъ того же стараго строенія перестроены, но поставлены на приличныхъ мѣстахъ. Вокругъ дома, не на высокомъ заборѣ, штакетъ. Садъ, большою частію вишневой, по положенію своему на горѣ, къ сѣверу; а гора, на разстояніе съ небольшимъ саженью, не домыкалась до главнаго корпуса, такъ что прямо изъ сада можно было, по покрытому досками между домомъ и горою промежутку, всходить на крышу дома *). Въ садъ восходъ былъ горою, по широкой покрашеной лѣстницѣ. Восходящему по ней открывался, по мѣрѣ восхода, или, можно сказать, выросталъ, по мѣрѣ восхода, прямо противъ его, видъ крѣпостцы, и казался сквозь деревье какъ будто въ далекѣ, потому что былъ здѣланъ въ маломъ видѣ. Это была стѣна или заборъ изъ стоячихъ достоекъ, вырѣзанныхъ черезъ одну, на верхнихъ концахъ, на подобіе крѣпостныхъ зубцовъ, и подбѣленныхъ мѣломъ на клею. Въ саду, на возвышенномъ надъ улицею мѣстѣ, бесѣдка изъ желези, кои вставлены между столбами, поставленными осьмиугольникомъ, и на ней куполообразной, рѣшетчатый верхъ, оканчивающійся поставленнымъ на немъ шаромъ. Много еще было кое-какихъ ребячествъ, представляющихъ разныя вышпенія въ готическомъ вкусѣ и одну башню съ флюгеромъ. А все сіе было ничто иное, какъ стоячіе ряды вырѣзанныхъ вверху достоекъ, за которыми скрыты, или повѣты для дровъ, или что того нужнѣе. Площадку всего подворья раздѣлялъ низенькой штакетъ на три отдѣленія: 1-е, на чистой дворъ, усаженной въ приличныхъ мѣстахъ деревьями; 2-е, на дворъ, при людскомъ жильѣ и при сараѣ, и 3-е, на огородъ. Начиная отъ главнаго корпуса до послѣдняго строенія и забора, все было покрашено: стѣны бѣлою и сѣрою краскою на клею, а крыши обыкновенно красною мумією на маслѣ, штакетъ — черною, а бесѣдка — подъ виды бѣло-сѣроватаго жилчатаго мрамора. Всего вообще владѣнія моего, подъ строеніемъ, садомъ, подворьемъ и огородомъ, едва ли было 450 квадратныхъ саженой земли; но тѣмъ лутче все изображалось, что, будучи въ тѣсномъ мѣстѣ, одно другого держалось, и могло быть объемлемо, такъ свя-

*) Всходить не для голубей, но для трубы, при надобныхъ случаяхъ.

зять, однимъ взглядомъ. Вся эта мелочь, или склеенная изъ лоскутковъ картина, стояла мнѣ, по тогдашнему времени, около полуторы тысячи рублей *).

Никто изъ новоприѣзжихъ въ городъ, если ему случалось проѣзжать мимо моего жилища, не обходился безъ того, чтобы не спросить скоропостижно: «это чей такой домикъ?» не зная того, что и самъ иногда хозяинъ, въ лѣтнюю пору, слышитъ сей вопросъ, ходя въ густотѣ деревь по горѣ надъ улицю.

1793, 1794, 1795 — и почти весь 1796—годы прожиты въ немъ. А отъ ноября мѣсяца 1796-го года по июнь 1797-го года, хотя и жилъ я въ немъ, но долженъ сказать, что уже ни домъ во мнѣ, ни я къ дому и къ Могилеву не принадлежали, по всеобщему въ Россіи «измѣненію десницею Вышняго» на престолѣ всероссійской имперіи, о чемъ скажется ниже на своемъ мѣстѣ, а теперь заговорю о томъ, что случилось въ продолженіе сказанныхъ 4-хъ лѣтъ.

По второмъ присоединеніи отъ Польши края, раздѣленъ онъ на губерніи: Минскую, Изяславскую, Брацлавскую и Вознесенскую **). Многие тамъ уніаты захотѣли, или заочены, или побуждены обратиться къ церкви грекороссійской. Вслѣдствіе сего, состоялось имянное повелѣніе государыни императрицы, чтобы и въ нашихъ бѣлорусскихъ губерніяхъ, присоединять желающихъ уніатовъ къ грекороссійской церкви, а буде бы кто изъ помѣщиковъ оказался препятствующимъ, того имѣніе брать въ секвестръ. Тогда былъ въ Могилевѣ губернаторомъ г. Черемисинъ, человекъ ***) молчаливой до безсловесности, упрямой до безконечности. А епископомъ былъ Аѳанасій Вольховскій, которой по натурѣ такъ былъ несчастливъ, что знакомое ему евангеліе не могъ читать безъ ошибокъ и частыхъ медленныхъ остановокъ. Къ нему такъ же было предписаніе отъ си-

*) Тогда серебряныя и ассигнаціонныя деньги были почти въ одной цѣнѣ. Четверть ржи—4 р., овса—2 р., по сему и прочая разумѣвай.

Съ 1812 года все учетверилось слишкомъ, въ монетѣ, товарахъ, продажахъ и проч. 1818 г. Г. Д.

**) Впослѣдствіи времени Павелъ I перемѣнилъ сіи названія, какъ и другія нѣкоторыя. Г. Д.

***) Далѣе въ подлинникѣ зачеркнуты слова: «ни въ чемъ не свѣдущій». Ред.

нода, чтобъ они общими силами и согласіемъ нарядили *) въ разные уѣзды разныхъ чиновниковъ, въ числѣ которыхъ и мнѣ достался Сѣвнинской уѣздъ, для присоединенія уніатовъ къ церкви грекороссійской. Всѣмъ намъ повѣщено отъ губернатора, явиться въ соборную архіерейскую церковь; гдѣ, послѣ литургіи, сказано намъ было, съ проповѣдническаго мѣста, протопопомъ Михаиломъ Богуславскимъ поученіе — за неумѣніемъ архіерейскимъ — въ такомъ смыслѣ: что мы предъопредѣлены. избраны, воззваны въ достоинство апостольское, и чтобы мы были мудры—яко змія, и цѣли—яко голубіе. Аминь.

Тутъ рождается вопросъ: «какъ это могло стать, чтобы въ царствованіе Екатерины Великія былъ архіерей безграмотной?» Вотъ какъ: государыня императрица, будучи на 7-мъ десяткѣ лѣтъ и уже при истеченіи своего вѣва и царствованія, естественно, не всегда уже видѣла все тамъ, гдѣ прежде умственной и вещественной ея глазъ досязалъ. А графъ Безбородько, будучи при ней и канцлеръ, и министръ, и правитель всѣхъ дѣлъ, хотя былъ достоинъ сихъ почестей и царскаго довѣрія, но онъ имѣлъ мать, лѣтъ 80-ти слишкомъ. Она не давала сыну покоя своими изъ Малороссіи письмами, требуя, чтобы александревскій намѣстникъ, архимандритъ Вольховскій, непременно былъ здѣланъ архіереемъ. Инако же?—сыну проклятіе. Ну кому же захочется быть прокляту отъ матери? Вотъ и вся сказка, по крайней мѣрѣ, такъ говорили всѣ, ибо каждой любопытнѣе былъ знать, почему на такую важную степень возведенъ человѣкъ неграмотной, и посланъ въ такую губернію, гдѣ всякой ксіонъзъ говорить латинскимъ языкомъ, а многіе и другими иностранными, не включая російскаго и польскаго. Павелъ I, введя въ обычай жаловать орденами духовенство, пожаловалъ и Вольховскому аннинскую ленту; но, любя порядокъ, лишилъ его, чрезъ годъ мѣста, и велѣлъ послать въ одинъ изъ малороссійскихъ монастырей, помнится въ Лубенскій, гдѣ онъ и скончался. А губернаторъ Черемисинъ былъ мужъ избранной по сердцу генералъ-губернатора Пассека; впрочемъ, былъ онъ и человѣкъ хорошій, въ силу принятаго во святыхъ обителяхъ правила: «молчаніе и

*) Последняя фраза въ подлинникѣ передѣлана изъ слѣдующей: «почему, оба они общими силами и согласіемъ, или, можно справедливѣе сказать, общими недоуміемъ нарядили».

невѣдѣніе—грѣха не творять», и въ силу латинскаго мнѣнія: «кто молчитъ, тотъ согласенъ» *).

Послѣ поученія нужны были прогоны, и когда губернаторъ, на словесное мое требованіе, мнѣ отказалъ, то я потребовалъ письменно; изясняясь, между прочимъ, что, въ разсужденіи не-маловажности препорученія, нужно имѣть, по крайней мѣрѣ, двухъ рядовыхъ штатной команды солдатъ, дабы по нимъ видно было, куда я приѣду, что я чиновникъ отъ короны, отправленный по казенному дѣлу. Мнѣ во всемъ письменно отказано съ угрозами. Итакъ, нечего было дѣлать, надобно было ѣхать на собственномъ коштѣ, какъ будто въ гости. Но прежде, нежели выѣхалъ, разсудилъ послать безтолковое губернаторское повелѣніе и распоряженіе, съ моими замѣчаніями, въ Петербургъ на руки секретарей генераль-губернаторскихъ, которые были мнѣ не лиходѣи, изясняясь имъ, что я отправленъ не на шутку по-апостольски, и прося ихъ, ежели придется встать, доложить генераль-губернатору.

Отправясь въ городъ Сѣнно и зная изъ имянного императорскаго повелѣнія, что велѣно спросить: «не желаютъ ли?» и что желающихъ запрещено удерживать отъ ихъ желаній, стараясь я не отступитъ отъ точнаго смысла сего предписанія.

По приѣздѣ въ Сѣнно, взялъ я съ собою земскаго исправника и съ духовной грегоросійской стороны депутата, по силѣ даннаго ему отъ команды предписанія.

Всѣхъ церквей уніятскихъ во всемъ сѣннинскомъ уѣздѣ тридцать три, вторыхъ всѣхъ мы посѣтили. Ко всякой церкви собирали прихожанъ — упредительно чрезъ земскаго исправника, дабы по приѣздѣ не тратить времени; при каждой церкви читали имъ повелѣнія, предписанія, спрашивали о свободномъ расположеніи ихъ къ перемѣнѣ вѣры, или, лутче сказать, одного только переименованія вѣры. Увѣщавали ихъ чрезъ духовнаго депутата и не обрѣли ни единой души, желающей отстать отъ уніятской и пристать къ грегоросійской церкви.

Когда въ Витебскѣ преосвященный Иосафатъ Кунцевичъ — чему прошло уже лѣтъ около 180, то-есть, въ самыя смутныя для Россіи времена — проповѣдывалъ вѣру уніятскую, тогда державшіеся

*) Последняя строка въ подлинникѣ зачеркнута.

всѣ греческой вѣры, витебскіе жители убили его и бросили вниз горы, къ рѣкѣ Двиѣ. А теперь, потомки ихъ, обращенные во время польскаго правленія въ уніаты, почитаютъ его за святого священномученика, ежегодно празднуютъ день его убіенія, и клянуть, въ своихъ церковныхъ пѣсношніяхъ тѣхъ, которые его убили. То-есть: они клянутъ своихъ праотцевъ, отъ которыхъ получили жизнь и наслѣдство имѣнія, и клянутъ настоящихъ грекороссіянь, подъ управленіемъ которыхъ благоденствуютъ.... Да—помилуй Богъ—не всѣ-ли человѣки суть жертва заблужденія, по словеси священной древности: «непознаша, ниже разумѣша, во тьмѣ ходятъ!»

Въ три недѣли съ проѣздомъ, возвратился я въ Могилевъ, и былъ вездѣ отъ губернатора и отъ архіерея провозглашенъ безбожникомъ и ослушникомъ. Всѣ тѣ, которые у губернатора и у архіерея каждодневно обѣдывали, охотно тому вѣрили и соглашались; а послѣ нихъ, весь классъ легкомысленныхъ повторялъ тоже, такъ что сѣннинскій уѣздъ, уніаты и Добрынинъ здѣлались общою въ городѣ молвою, даже до тѣхъ поръ, пока она для себя нашла камень преткновенія, а именно: губернаторъ вскорѣ получаетъ изъ Петербурга отъ генераль-губернатора предложеніе, слѣдующаго содержанія:

«Я читалъ донесеніе вашего превосходительства, на которое увѣряю васъ, что Добрынинъ мнѣ не жаловался, а изъ вашихъ бумагъ, о распоряженіи по дѣламъ уніатскимъ, нахожу: что Добрынину, равно и другимъ не дано ни прогоновъ, ни требуемыхъ ими солдатъ. Такъ почему-же, ваше превосходительство, назвали его нерадивымъ, когда, напротивъ, исправность его и мнѣ, и вамъ уже извѣстны? Если распоряженія ваши по сей части не приведены, или не всѣ еще приведены въ исполненіе, поспѣшите ихъ поправить. Для единообразнаго же дѣйствія, прилагаю вамъ копію съ распоряженія полотскаго г-на губернатора, изъ которой ваше превосходительство усмотрите, между прочаго, что посланные по дѣламъ уніатскимъ снабжены прогонами и каждой—тремя солдатами».

Копія съ сего ордера прислана ко мнѣ на той же почтѣ изъ канцеляріи генераль-губернатора; а въ дополненіе, все сіе пересказывали мнѣ поочередно всѣ тѣ, которые у губернатора обѣдывали, и перемѣня прѣжнее свое о мнѣ мнѣніе

и голоса, единослвно говорили: что губернаторъ, прочитавъ ордеръ генераль-губернатора, сѣдя за столикомъ, ударилъ объ него кулаками и заплакалъ; а губернаторша начала проклинать всѣхъ, кого находила достойнымъ праведнаго ея гнѣва. Первое для ней лицо былъ я; второе—канцелярія генераль-губернаторская, а третье—самъ генераль-губернаторъ. Слушая сіи вѣсти, я ощутилъ въ себѣ чувствительную жалость къ губернатору и губернаторшѣ. Но, опомнившись, взвѣсилъ и видѣлъ, до какого степени простиралось рвеніе ихъ повредить мнѣ, если неудача была имъ столько чувствительна. Почему и вкушала я изъ-подъ-тиха злостную радость.

Уже проходитъ обращенію уніатовъ 5 и 6 мѣсяцовъ, уже оканчивается годъ, уже наступилъ и другой, а посланные изъ уѣздовъ не возвращаются; какъ, между тѣмъ, настоящія ихъ должности терпятъ остановку. Иной доноситъ: обратилъ церковь, двѣ, три. И, лишь только губернское правленіе получить такое донесеніе, какъ вдругъ съ противной стороны получаетъ другія—отъ уніатскаго духовенства, отъ прихожанъ, а побочными дорогами и отъ помѣщиковъ—что уніаты принуждены побоями, что церковь отбита насильно, и проч. и проч. Пошли новыя изслѣдованія, секвестры, жалобы въ правленіе, жалобы прямо въ сенатъ, отъ сената строгія требованія отъ намѣстническаго правленія объясненій. И въ намѣстническомъ правленіи здѣлалось цѣлое наводненіе уніатскихъ дѣлъ. Тогда всѣ заговорили, не исключая и губернатора: какой дальновидной чело-вѣкъ Добрынинъ! изъ того уѣзда, гдѣ онъ былъ, нѣтъ ни одного дѣла!

Слѣдующее дѣйствіе также нечаянно послужило въ мою пользу: директоръ экономіи, будучи по должности въ одномъ изъ казенныхъ имѣній въ Быховскомъ уѣздѣ, получилъ тамъ отъ губернатора препорученіе о присоединеніи къ церкви гревороссійской уніатовъ, обитающихъ въ тѣхъ селеніяхъ, въ которыхъ онъ находится. Вслѣдствіе чего, директоръ собралъ ихъ къ церкви, читалъ, уговаривалъ, соглашалъ; но, недобившись согласія, разсудилъ принудить ихъ силою, какъ начальникъ казенныхъ имѣній, а они, противъ силы здѣлали крикъ, шель, изъ чего директоръ экономіи прозрѣлъ, что они сердиты. Нѣ-сколько изъ нихъ взбѣжали на колокольню и ударили въ на-

бать. На тревогу сбѣгаются прятавшіеся въ лѣсу и по авинамъ. Толпа увеличивалась. Директоръ экономіи удаляется, доноситъ губернатору, что казенные уніаты взбунтовались, и просятъ усмирить ихъ вооруженною рукою.

Тогда въ Могилевѣ квартировала артиллерія. Начальникъ оной майоръ Амбразанцовъ, по требованію губернатора, даетъ ему пушку и канонеровъ. Канонеры съ пушкою двинулись чрезъ городъ на дорогу быховскую. Запѣли пѣсно; а чрезъ нѣсколько часовъ поднялся за ними, послѣ обѣденнаго стола, и самъ губернаторъ Черемисиновъ, препровожденъ изъ покоевъ застольными друзьями и всею фамиліею, которая вся желала ему, въ слезахъ, счастливой побѣды на бунтовщиковъ и благополучнаго возвращенія.

Дѣйствіе и послѣдствіе похода, котораго весь маршъ состоялъ верстъ слишкомъ на двадцать — были таковы:

По прибытіи предъ селеніе, гдѣ церковь уніатовъ, Черемисиновъ велѣлъ выпалить изъ пушки. Мужики, узнавъ причину неслыханнаго еще ими грома, спрятались *) въ страхъ и трепетъ, всѣ до единой души, въ лѣса и авины. Губернаторъ, найдя пустое селеніе, не находитъ съ кѣмъ имѣть дѣло. Проходитъ вторая половина дня, наступаетъ и проходитъ ночь. Уже солнце на другой день оканчиваетъ первую половину дневнаго пути, а селеніе пусто.

— «Что намъ дѣлать — говоритъ Черемисиновъ — рано мы, братцы, выстрѣлили! Ну, съ кѣмъ буду я говорить? Кого усмирять? И кого обращать? Бѣжите повсюду въ разныя стороны, и всякаго, съ кѣмъ ни встрѣтитесь, кого ни найдете, и кого ни поймаете, увѣряйте его: что я никого не застрѣлю, только бы они не били въ набатъ и въ меня».

Сильная и любомудрая **) рѣчь имѣла счастливой успѣхъ. Мало по малу, поселяне начали стекаться и собрались въ церкви по назначенію. Губернаторъ спросилъ:

— Для чего вы бунтуете?

Одинъ выбранной ими старикъ, выступя впередъ, отвѣчалъ: «Ваше великое величество самъ теперь видишь, какъ мы бунтуемъ. Ты выстрѣлилъ, мы и испугались; ты велѣлъ намъ сказать,

*) Въмѣсто зачеркнутого «уши».

**) Въмѣсто зачеркнутого «и благоразумная».

чтобъ мы не боялись и пришли къ твоему здоровью; мы не боимся, и мы теперь передъ твоею милостію».

Губернаторъ: Для чего вы били тревогу?

Мужикъ: Нѣтъ, мы звонили на нешпарь *). Тогда былъ вечеръ съ субботы на воскресенье, въ чемъ поставляемъ свидѣтельными своего священника и нѣсколько шляхты, которые тогда пришли въ церковь, Богу молиться.

Губернаторъ: Для чего вы не послушали директора экономіи? Вѣдь вѣра все одна, та же христіанская. Онъ васъ не жидами хотѣлъ здѣлать.

Мужикъ: Добре ваше казешь, что вѣра все одна, та же христіанская. А-ти, ваше, похваливъ бы тое, какъ я взялъ одинъ крестъ въ руки, а другій бы кинувъ подъ ноги?

Губернаторъ: Да для чего же вамъ не быть со мною одной вѣры?

Мужикъ: Ты, самъ здоровъ, знаешь, уже человекъ не молодой! — указывая на губернаторскія сѣдины — какъ тебѣ приказывали принять нашу вѣру, а-ти захотѣвъ бы ты быть уніатомъ?

Черемисиновъ велѣлъ поворотить пушку, и тѣмъ же путемъ и порядкомъ, возвратился домой, доволенъ будучи, что онъ силенъ былъ и разогнать и собрать. Вскорѣ и за сей подвигъ получилъ онъ выговоръ изъ Петербурга отъ генераль-губернатора. Отъ тѣхъ поръ, когда гдѣ въ гостяхъ заходили жаркіе споры о дѣлахъ уніатскихъ, то, чтобы прервать матерію, стоило только, чтобъ я сказалъ: «я съ пушкою не ѣздилъ», и все умолкнетъ изъ почтенія къ губернатору. Очень ясно, что всѣ были вѣжливы, скромны, благоразумны, подлы и трусы; а я, былъ правдивъ безъ дерзости и своеобразивъ какъ квакеръ.

§ XLIV.

Г р ѣ х и.

Славной, но больше того извѣстной, Жанъ-Жакъ Руссо, въ книгѣ исповѣди своей, показалъ свою откровенность, даже до такихъ своихъ дѣйствій, которыя ни ему, ни читателямъ ни къ чему не служатъ, кромѣ соблазна; а нашъ почтеннѣйшій Фонъ-

*) Вечерня.

Визинъ, по видимому изъ подражанія Жанъ-Жаку, назвавъ одно изъ своихъ сочиненій «исповѣдью», исповѣдывается, что «онъ сочинилъ оперу, и для прочтенія оной представленъ былъ къ государынѣ императрицѣ Еватеринѣ II»; какъ будто это такой грѣхъ, которой стоить больше исповѣди, нежели фастовства. Для чего же и мнѣ не подражать симъ славнымъ людямъ? Стану и я исповѣдываться, съ тѣмъ только отъ нихъ различіемъ, что моя исповѣдь дѣйствительно во грѣхѣхъ, а не въ празднословіи соблазнительномъ Жанъ-Жакъ Руссо и не въ фастовствѣ — Фонъ-Визина.

По опредѣленіи меня изъ стряпчаго верхняго земскаго суда въ губернскіе стряпчіе, первымъ къ моей заботѣ было предметомъ, какъ бы мнѣ попасть въ слѣды монаховъ предмѣстниковъ, изъ которыхъ одинъ набогатился, и вышелъ въ губернское правленіе совѣтникомъ, положи въ сохранную судную казну витебскимъ езуитамъ 50,000 р., а другой преемникъ его, хотя не успѣлъ набогатиться за скорою кончиною, однако-жь и въ краткое время примѣтно было, что мѣсто губернскаго стряпчаго казенныхъ дѣлъ было для него полезно. Но я, вступя въ новую для меня должность, искалъ и не находилъ, чѣмъ? и что начать? и за что приниматься? Давно говорятъ и пишутъ, что случай всегда тому встрѣчается, если кто его ищетъ.

Бывшій въ деревняхъ государственнаго казначея управителемъ г. З*), первый мой въ Бѣлоруссіи знакомецъ и пріятель, открылъ мнѣ желанной случай. Онъ, поздравя меня въ новой должности, спросилъ:

Знаю ли я, гдѣ теперь экономіи директора секретарь Б**)?

— «Не знаю»...

— Онъ торгуетъ мачтами, вырубленными изъ казенныхъ лѣсовъ...

— «Это любопытно, скажите яснѣе».

— Въ казенныхъ имѣніяхъ есть мачтовые лѣса; ими часто пользовались арендаторы казенныхъ имѣній и другіе, по милости секретарей директора экономіи: яснѣ вамъ сказать: лѣса сплавливали въ Ригу, подъ именемъ помѣщичьихъ, казенными крестьянами, и получали за то немалыя суммы денегъ, а директора

*) Въместо зачеркнутого въ подлинникѣ «Захаръ».

Ред.

***) Изъ дальнѣйшаго разсказа читатель узнаеть, что подъ буквою Б. скрыта фамилія Быховецъ.

Ред.

этого не видали, или видѣть не хотѣли, или имѣли причину не хотѣть. До этого мнѣ дѣла нѣтъ. Случилось и мнѣ нѣсколько попользоваться, когда я жилъ по сосѣдству съ казенными имѣніями, управляя деревнями государственнаго казначея, однако-жъ промыслъ сей бросилъ, во-первыхъ потому, что онъ, при случаѣ обнаруженія, больше принесетъ несчастія, нежели при удачныхъ случаяхъ прибыли; во-вторыхъ потому, что я уже теперь, слава Богу, доволенъ, ничѣмъ не нуждаюсь; а въ третьихъ потому, что секретарь Б. меня обманулъ. Онъ слишкомъ много воспользовался, а я только былъ на него работникъ. Теперь онъ самъ работаетъ въ казенномъ староствѣ N. N., а тамошній казенный экономя Ольшевскій погонитъ Двиною казенныя мачты, казенными поселянами, въ Ригу, подъ именемъ помѣщичьихъ. Они вырученныя за продажу деньги раздѣлятъ, а вы теперь губернской казенныхъ дѣлъ стряпчій. Вотъ вамъ и яснѣе, заключилъ г. З.

— «Понимаю, сказалъ я, всю силу ясности и всю обиду моего званія. Повѣрьте, что я не дамъ имъ воспользоваться казеннымъ добромъ и моею слабостью, а вамъ благодаренъ за открытіе мнѣ казеннаго воровства».

Вскорѣ Б. возвратился и меня посѣтилъ. Я встрѣтилъ его привѣтствіемъ:

— Что братъ? ѣздилъ торговать казенными мачтами, подъ названіемъ мачтъ Ольшевскаго!..

— «А что? развѣ объ этомъ кто знаетъ?»...

— По крайней мѣрѣ, мнѣ это извѣстно.

— «Ну! эта бѣда не бѣда, когда она извѣстна только одному; а сколько вамъ за это надобно? вотъ задатокъ на пять сотъ рублей, двадцать червонцовъ — и тотчасъ высыпаль изъ кошелька на столъ — а остальные, какими прикажешь? серебромъ, золотомъ, ассигнаціями? чрезъ двѣ недѣли, получите».

Дѣло здѣлано! и имѣвшій ревность открыть похищеніе съ похитителями поладилъ. Честь, нравственность уступили мѣсто пороку, но уступивши, не оставили меня безъ наказанія, котораго я и былъ достоинъ, ежели это достоинство.

Я долженъ сказать, что не корыстолюбіемъ побужденъ былъ къ нарушенію моей должности, но стыдомъ — можетъ быть ложнымъ — что губернсвій стряпчій не въ силахъ имѣть ни стола, ни дрожекъ, а только едва можетъ собраться во что одѣться по

приличію своего званія, какъ, между, тѣмъ нѣкоторые чиновники и секретари щеголяютъ и изобилуютъ; и по сей наружности, начальство цѣнить ихъ достоинствы.

Проходятъ вмѣсто двухъ 4 недѣли, проходятъ и два мѣсяца, а уплаты нѣтъ; напоминаніи мои о взаимномъ соблюденіи нашего трактата были тщетны, и я увидѣлъ; что я далъ себя обмануть. Но нечего было дѣлать, какъ только терпѣть, оставаясь въ нѣкоторой надеждѣ, потому что Б. общается. Наконецъ, онъ отъѣзжаетъ на подобной промыслъ, и соглашаетъ меня получить съ секретаря казенной палаты Ш., который ему долженъ, а Б. мнѣ. Всѣ трое согласны; но по выѣздѣ Б., Ш. даетъ мнѣ, вмѣсто 4-хъ сотъ слишкомъ, только 75 р. ассигнаціями. Тутъ мнѣ открылось, что два пріятели согласились пошутить на счетъ моей слабости, заманя въ свои сѣти, въ которыя я, первоначально, самъ себя позволилъ вести. Я почувствовалъ, въ полной мѣрѣ, сколь тяжело быть дважды обмануту, потому что другой разъ доказываетъ уже непростительную простоту обманутаго. Почувствовалъ—къ несчастью на собственномъ опытѣ—и справедливость мнѣнія: что, когда чорту позволишь себя за волосокъ потянуть, то онъ вцѣпится обѣими руками за всѣ волосы. Но, съ помощью поздаго благоразумія и еще позднѣйшаго наблюденія чести и присяги, я скрѣпился, скрылъ мою предъ Ш. досаду, и сказалъ ему, что я получу мой долгъ отъ самого Б. Уже я пересталъ мыслить и желать о исполненіи нашихъ условій, а пылалъ только мщеніемъ за ту обиду, что я одураченъ, мое честолюбіе оскорблено больше, нежели неудовлетворено корыстолюбіе. Почему, принялъ я упрямое намѣренье, заставить почувствовать и Б., по крайней мѣрѣ столько-же, сколько я огорченъ. Дѣло, по мнѣнію моему, было не маловажно. Цезарь, Антоній, Лепидъ въ Римѣ, Пизарро, Альмагръ и нечестивой поппъ Люкъ въ Америкѣ — думалъ я — ни больше, ни меньше имѣли причинъ къ своимъ связямъ и разрывамъ. Разсуждая такъ высокообразно, могъ ли я не заниматься на всякомъ шагу, на всякую минуту приуготовленіями къ пораженію непріятеля?

Но — чудное и непостижимое сплетеніе вещей! и, ежели взять въ замѣчаніе нѣкоторыя прошедшія въ нашей жизни мѣста, которыя насъ интересовали, или заботили, то найдемъ, что дѣйствовала ими какая-то невидимая пружина, которая двигала и распо-

ржада все по своимъ законамъ съ намѣреніемъ, наприм.: я, замѣшавшись въ шайку людей, неимѣющихъ слабости руководствоваться нравственностью и самою честію, расхорохорился и самъ поправить себя порокомъ мщенія, подь образомъ должности, и не зная съ чего начать; а нечаянной случай указалъ мнѣ путь:

Въ одинъ день, когда я шелъ въ присутствіе, встрѣчается мнѣ на улицѣ гуча мужиковъ, человекъ 12.—Я отъ роду моего никакого мужика, встрѣчающагося со мною въ городѣ, не спрашивалъ, кто онъ? откуда? куда? а теперь безъ малѣйшаго намѣренья, по непонятному инстинкту, спросилъ.

Они отвѣчали: «изъ казеннаго староства NN».

— Кто у васъ эконоомъ? гдѣ онъ теперь?

— «Ольшевскій; онъ поѣхалъ въ Ригу, а мы, теперь, туда мачты сплавливаемъ, и зашли съ берега въ городъ купить харчей на путь».

Мачты Днѣпромъ сплавливаются до нѣкотораго разстоянія; оттуда сухимъ путемъ до рѣки Лучосы, впадающей при Витебскѣ въ Двину, а по Двинѣ весною сплавливаются они въ Ригу.

- Въ чемъ лѣсу вырублены мачты?

— «Въ казенномъ».

— Кто были работники?

— «Мы, и рубили всею волостью, по приказанію эконома Ольшевскаго».

Я велѣлъ имъ итти за собою въ наше прокурорское присутствіе; тамъ написалъ все ихъ показаніе въ моемъ намѣстническому правленію представленіи, — при которомъ представилъ и поселянъ—требуя, яко губернской стряпчій казенныхъ дѣлъ, допросить ихъ и дѣло изслѣдовать по законному порядку. Намѣстническое правленіе отослало все въ полицію, а полиція, тотъ же часъ допроса, представила въ правленіе при рапортѣ допросы ихъ, которые оказались во всемъ согласны съ моимъ представленіемъ.

Правленіе, разсуждая изъ допросовъ, что многія мачты уже въ пути, а нѣкоторыя и въ Ригѣ, не остановило хода торговли, отослало допрошенныхъ на мачты, для продолженія сплавки; а ригскому намѣстническому правленію сообщило о наложеніи ареста на всѣ тѣ мачты, о числѣ которыхъ показали казенные поселяне во взятыхъ съ нихъ въ могилевской полиціи, по указу

намѣстническаго правленія, послѣдовавшему на представленіе губернскаго казенныхъ дѣлъ стряпчаго, допросахъ. Нижнему земскому суду того уѣзда, въ которомъ вырублены мачты, строжайше велѣно изслѣдовать о количествѣ похищенія, и въ скорости отослать изслѣдованіе въ уѣздный судъ, для законнаго теченія и приговора—какъ будто нижній земскій судъ не вѣдалъ о публичнои въ его уѣздѣ воровствѣ.

Б., узнавъ бѣду, прискакалъ въ Могилевъ, но отвращать ее было уже поздно. Ольшевскій изъ Риги успѣлъ уже ему услужить увѣдомленіемъ, что «арестованныхъ мачтъ нельзя ни продать, ни заложить, а совѣтуютъ ему, Ольшевскому, употребить крайній способъ, потопить ихъ въ Двину, дабы не допустить до гнилости». Вотъ совѣтъ—продолжаетъ Ольшевскій—изъ котораго прибыли ни на копейку, а бѣда еще впереди.» Быховецъ сообщилъ мнѣ это письмо въ намѣреніи упрека. Я ему отвѣчалъ: «кто изъ насъ прежде солгалъ и обманулъ, тотъ и самъ обманулся».

Исповѣдавшись такимъ образомъ, надлежитъ признаться, что по закону, по чести, по нравственности, я не меньше грѣшникъ, какъ и Б., ежели не больше. Но, съ другой стороны судя, надобно взглянуть на тѣхъ грѣховодниковъ, которые крадутъ всегда и не раскаяваются никогда. При всемъ томъ, они, на ряду съ праведниками, а не рѣдко скорѣе и важнѣе, награждаются, нежели праведники.—Какъ можно совмѣстить такую нескладницу? Служба есть имя священное; но она же вмѣстѣ и наводнодоносоровъ исполнѣ, составленный изъ золота, серебра, чугуна и глины.

Исповѣдь кончилась, но чѣмъ кончилось дѣло о мачтахъ—вѣрно сказать не могу, потому что вскорѣ послѣдовала перемѣна престола, а съ нею губерніи Могилевская и Полоцкая соединены въ одну Витебскую, куда и намъ, съ Б. и другими, палъ жребій службы переѣхать къ должностямъ—о чемъ обстоятельнѣе скажется въ 1796-мъ году.

Въ сей соматохѣ и мачтовое дѣло могло уничтожиться, или, можетъ-быть, одинъ только Ольшевскій воспользовался—если сохранилъ свою добычу, по наставленію, отъ согнѣтія—а Б. ничего не досталось. Если же сіе дѣло въ Могилевѣ и въ Ригѣ попало въ реестръ нерѣшенныхъ, то вѣроятно, что оно съ другими подобными, по заведенному въ нѣкоторыхъ присутствен-

ныхъ мѣстахъ славному порядку, вѣчно будетъ считаться въ числѣ нерѣшенныхъ, по силѣ всеобщаго для смертныхъ нравоучительнаго мнѣнія: «мы никогда не оканчиваемъ своихъ дѣлъ».

Сей Б. былъ съ счастливымъ умомъ, лѣтъ былъ подь 30-ть, хорошо отправлялъ свою должность, а лутче того писалъ. Въ кампаніяхъ былъ забавенъ безъ многословія, уступчивъ, терпѣливъ, въ обращеніи гражданскомъ вѣжливъ, смѣтливъ, и вообще пріятель. Радъ былъ и умѣющъ каждаго у себя принять и угостить во всякое время. Можно сказать, что онъ, въ продолженіе службы, по достоинству получилъ мѣсто предсѣдателя уголовныхъ и вмѣстѣ гражданскихъ дѣлъ въ Астраханѣ. Но, при всѣхъ сихъ превосходныхъ качествахъ, былъ непостояненъ, невѣренъ, лживъ; чему, кажется, основаніемъ была карточная игра, которая сколько остритъ разумъ, столько глушитъ сердце. Государь императоръ Александръ I, въ имянномъ своемъ повелѣніи, героевъ карточныхъ имянуетъ: «скопищемъ разврата, толпою безчестныхъ хищниковъ» (Зри рескриптъ 1801 г. іюля 1 дня).

Хотя, по разсужденію логиковъ, «въ томъ мало надежды къ исправленію, кто часто исповѣдывается», однако-жъ еще одна исповѣдь лежитъ на моей совѣсти, а именно: по законамъ, состоявшимся около сихъ временъ, позволено было дѣлать водки на вкусъ, или, какъ въ законѣ сказано: — на манеръ французскихъ, съ тѣмъ, чтобъ оныя были непременно изъ винограднаго вина, или изъ виноградныхъ фруктовъ. Заводчики таковой водки обязаны были доставлять ее казеннымъ палатамъ, для испытанія чрезъ медиковъ химически, а палата имѣла обязанность запечатать каждой штофъ, особо здѣланною для сего печатью, и получить въ казну предписанныя пошлины. За всѣми же подробностями, изъясненными по сей части въ указахъ, обязаны были смотрѣть губернскіе казенныхъ дѣлъ страпчіе.

Таковымъ позволеніемъ желая воспользоваться, является графъ Аугсбергъ, уроженецъ италійскій, націи германской, житель бѣлорусскій, въ деревняхъ помѣщика Чудовскаго. Явясъ, представляетъ казенной палатѣ въ бутылкахъ пробы водокъ, сладкихъ и пуншевыхъ; потомъ, возами ящики, наполненные водкою въ штофахъ. Палата принимаетъ, печатаетъ и отпускаетъ такъ проворно, что губернскій страпчій казенныхъ дѣлъ не только ею не увѣдомляется, но лишь только услышитъ, то фабрикантъ

графъ Аугспергъ уѣхалъ уже съ водкою изъ города. Послѣ чего я къ второму ни войду въ домъ чиновнику, положенному по штату въ казенной палатѣ и въ намѣстническомъ правленіи, вездѣ имѣю честь и вкусъ видѣть и пить воды красныя, желтыя, зеленныя, бѣлыя, сладкія, либерованныя, пуншевыя, и—всѣ они, по словамъ закона, «на манеръ французскихъ». Доволенъ будучи гостепрѣимствомъ, чувствую и обижаюсь, что не могу самъ такъ же принять, какъ меня принимаютъ. Говорятъ, что зависть есть ^{то} первородной грѣхъ человѣка. Не отвергая сей истины, смѣю думать, что человѣкъ безъ сего первороднаго грѣха былъ бы на нашемъ земномъ шарѣ тоже, что часы безъ пружины. Къ сему мнѣнію, вспала мнѣ на умъ критическая картина, здѣланная около 1778 года, когда нѣмецкой императоръ Іосифъ II придвинулъ свои войска къ Голландіи, увѣренъ будучи, что она въ золотѣ не нуждается, и что ему голландскіе червонцы непротивны. Онъ на сей картинкѣ представленъ разрѣзывающимъ на столѣ голландской сыръ *) на части. Наслѣдникъ престола его сметаетъ со стола крохи, одною горстью въ другую. А Фридрихъ Великій, смотря изъ-заплеча Іосифа II-го, говоритъ—въ надписи—«и я люблю ѣсть сыръ голландскій!»

Изреченіе и позиція сего великаго монарха, представленна на картинкѣ, столь мнѣ полюбилась, что я, какъ-будто, сталъ на мѣстѣ его, а графъ Аугспергъ, съ водкою, на мѣстѣ голландца съ сыромъ. Лишь только я думаю, гадаю, съ котораго бы конца приняться за дѣло—*homo proponit, Deus disponit*, является ко мнѣ, около 5-го часа по полудни, мой товарищъ, уголовныхъ дѣлъ страпчій Цѣбликовскій, человѣкъ рыжій, слѣдственно по физикѣ скорой, предприимчивой, рѣшительной. Онъ мнѣ все то предлагаетъ, изъясняетъ, разрѣшаетъ, о чемъ я думалъ прежде, но еще не добирался конца.

— «Что же теперь?—вопрошаю я его,—вѣдь вода уже выпущена?»

— «Да, выпущена! А другая впущена, и уже печатается за городскими воротами, въ пустомъ домѣ г-на Голынскаго».

— «А для чего же не при казенной палатѣ? Здѣлана ли предписанная закономъ новая печать? взяты ли опредѣленныя

*) Зачеркнуто: «пополамъ, на двѣ равныя».

въ казну съ каждаго штофа поплины? Сколько именно печатается штофовъ? И не свободно ли за городомъ вмѣсто одной тысячи штофовъ, запечатать пять тысячъ?»

— «Обо всемъ этомъ—отвѣчаетъ наставникъ Цѣликовскій—и еще о многомъ узнаемъ мы изъ бумагъ въ казенной палатѣ сегодня или завтра пораньше, а теперь пойдемъ за ворота».

— «Пойдемъ».

За воротами городскими нашли мы въ необитаемомъ большомъ домѣ множество во многихъ комнатахъ ящиковъ, съ наполненною въ штофахъ водкою, которые печаталъ казенной палаты одинъ приказной, съ работниками графа Аугсберга. Вскорѣ явился къ намъ и ассессоръ палаты г. Буровъ.

— «Что вы печатаете за городомъ?» спросили мы его.

— «А вамъ что за дѣло? отвѣчалъ онъ; знаетъ объ этомъ палата казенная».

Послѣ невѣжливаго отвѣта, взявъ я отъ печатавшаго приказнаго служителя печать, и Бурову сказалъ:— «Эту печать должно, по силѣ закона, заклепать, а новую здѣлать съ повелѣнною надписью».

— «Мы имѣемъ честь вамъ сказать—если вы не знали, что мы губернскіе стряпчіе, которые, по словамъ закона: смотреть вездѣ; теперь вы, не спрашивая насъ, можете знать, что намъ за дѣло».

Съ печатью пошли мы къ губернскому прокурору, а онъ, узнавъ отъ насъ существо и обстоятельства дѣла, пошелъ вмѣстѣ съ нами къ губернатору, котораго нашли мы играющаго въ карты, въ домѣ зятя своего соляного пристава Познякова. Губернаторъ выслушалъ отъ прокурора все и не сказалъ ничего. Мы, вышедъ отъ него, толкнулись въ палату, дабы прочесть водочныя бумаги, но палату нашли замкнутою. Оттуда шествовали къ городничему, котораго понудили отправить, при себѣ, въ водѣхъ конвой, и потомъ—разошлись спать.

По утру сошлись раньше обыкновеннаго въ палату, и не нашли журнала о водкѣ; изъ палаты—въ уѣздное казначейство, гдѣ нашли, что казначей не только не получилъ въ казну пошлины, положенныхъ съ каждаго штофа по 10-ти копѣекъ, но и повелѣнія на то отъ палаты не имѣлъ.

Прокуроръ, съ прописаніемъ всего, сообщилъ казенной па-

латѣ, и требовалъ, чтобы отобранная вчера печать была уничтожена, а на мѣсто ея здѣлана новая съ надписью, въ законѣ предписанною, и чтобы водка печатаема была при казенной палатѣ, а не за городомъ. А отъ намѣстническаго правленія, и особо отъ губернатора, требовалъ письменно же, чтобы водка пропущена была въ городъ, гдѣ онъ, прокуроръ, предоставляетъ себѣ открытіе свойства и качества оной. НО

Не буйные вѣтры зашумѣли, не мутная лужа всколебалась, палатные члены всхарахорились. — Натурально! Кому пріятно быть пойману на преступленіи должности!—

Они бросились къ губернатору,
 Къ губернатору Черемисину,
 И поютъ ему громогласную:
 — Какъ матросы встарь на Невѣ рѣкѣ,
 На Васильевскомъ славномъ островѣ —
 «Охъ ты, гоѣ, еси, ты нашъ батюшка!
 Насъ поймали-то за воротами,
 На печатаньѣ водки хлѣбныя,
 Прокуроръ Семень и со страичими,
 Какъ со страичими со губерскими.
 Ты-вѣдь самъ намъ далъ повелѣніе,
 Чтобъ печатали за воротами.
 Ты, отвѣдавши водки графскія,
 Рекъ по книжному: «въ снѣдѣ добра зѣло».
 А теперь они насъ крутятъ вертять».

Что возговорить Черемисининовъ:
 «Охъ вы, гоѣ, еси, вы друзья мои,
 Вы друзья мои, два зятя мои,
 Позняковъ Захаръ и Наркизъ Вонъ-ляръ,
 А за ними ужъ и ●оляриновъ.
 Мы по всякой день за столомъ однимъ,
 За столомъ однимъ хлѣбъ и соль ядимъ.
 Не робейте вы и не думайте.
 Малорослаго прокурора я,
 Булакомъ однимъ, какъ въ мѣшкѣ, сомну,
 Цѣликовскаго ржевласаго
 Толкачомъ столку на блины въ муку.
 Философа-та я Добрынина
 Не пушу къ себѣ и въ переднюю.
 Ой, жена моя Анна Ивановна!
 Губернаторша расторопная,
 Научи меня какъ судить рядить.
 Мнѣ не въ первой разѣ тебя слушати,
 Твой совѣтъ всегда мнѣ какъ новой чинѣ».

Ахъ какъ тягостно быть при должности,
Когда чувствуешь, что и тупъ и глухъ *)».

Что возговоритъ жена добрая,

Губернаторша расторопная:

«Охъ, ты, гой, еси, удалой нашъ зять,
Удалой нашъ зять, ты Наркисъ Воиларь,
Ты бери скорѣй перо острое,
Что очинено тобой въ корпусѣ,
Пиши грамотку во Санктъ-Петербургъ.
При дворѣ сидитъ благодѣтель нашъ,
Что намѣстникомъ въ Бѣлоруссіи,
Родной дядя твой Петръ Богдановичъ».

Не кавылушка-трава бѣлая

Во чистомъ полѣ забывълася.

Загорѣлися ретивы сердца;

Прокуроръ Семьонъ и со страпчими,

Въ свою очередь, ну туда-жъ писать.

Надобно знать, что въ царствованіе Еватерины Великія, гсударевы намѣстники въ губерніяхъ были сильны, потому что были въ довѣрїи; а довѣріе царское, для особъ «природою почтенныхъ, разумныхъ и честныхъ, искусствомъ уврѣжденныхъ»**), есть основаніемъ къ тому, чтобъ они говорили языкомъ истины; почему и сужду: полученное изъ Петербурга въ могилевскомъ намѣстническомъ правленіи отъ генераль-губернатора Петра Богдановича Пассека, на посланныя къ нему отъ всѣхъ насъ бумаги, предложеніе, копія съ котораго по нынѣ у меня уцѣлѣла, помѣстить здѣсь отъ слова до слова, дабы, во-первыхъ, не здѣлать соображеніемъ недостатка въ ясности дѣла; во-вторыхъ, чтобы припомнить и повторить себѣ, какой имѣли тонъ главнокомандующіе губерніями въ благополучное царствованіе Еватерины Великой:

« Могилевскому намѣстническому правленію

Предложеніе.

«Разсматривая вступившія ко мнѣ бумаги: 1-е, рапортъ прavitеля могилевского намѣстничества, г-на дѣйствительнаго статскаго совѣтника Черемисинова, и при ономъ, 2-е, могилевской казенной палаты донесеніе, 3-е, могилевского губернскаго прокурора Герасимова рапортъ а въ оригиналѣ, поданные ему правителю намѣстничества, 4-е, рапортъ же, помянутаго Гераси-

*) Два послѣднихъ стиха въ подлинной рукописи зачеркнуты. Ред.

**) Сумароковъ въ трагедїи Синавъ и Труворь.

мова, на имя мое отправленной, съ приложеніями подаваемыхъ имъ въ казенную палату и г-ну правителю намѣстничества и прочихъ бумагъ, въ кои, относительно обрѣтенной господами губерскими страпчими за городовыми воротами, въ необитаемомъ домѣ, водки, печатаемой казенной палаты печатью воиномъ Тимоѣевымъ, безъ бытности отъ стороны казенной палаты члена, нахожу сказать слѣдующее:

«Какъ указами правительствующаго сената предписано: 1) отъ 9-го октября 1788 г. составляемую заводчиками изъ винограднаго вина водку, чтобъ продавали ящиками, запечатавъ въ казенной палатѣ каждой штофъ, равномерно и содержащимъ погребя объявить, дабы отъ заводчиковъ незапечатанныхъ въ казенной палатѣ штофовъ съ водкою не покупали, подъ опасеніемъ поступления по законамъ; при чемъ и страпчимъ казенныхъ дѣлъ отъ намѣстническихъ правленіевъ учинить строгое подтвержденіе, чтобъ они, по силѣ своей должности, начертанной въ высочайшихъ учрежденіяхъ, всемѣрно старались недопускать до подобныхъ злоупотребленій, производя въ таковомъ случаѣ заблаговременно жалобу, какъ истцы со стороны казенной; 2) отъ 1-го д. августа сего 1795 г. въ 8-мъ пунктѣ изображено: въ привилегіяхъ, данныхъ до изданія высочайшаго устава о винѣ, на заведеніе водочныхъ заводовъ, имянно включалось, чтобъ водки на нихъ дѣлать виноградныя; равномерно и онаго устава статьею 59-ю дозволено всякому только дѣланіе винограднаго вина и виноградной водки, о исполненіи чего и указами сената, отъ 9-го дня октября 1788 г. и отъ 17-го дня ноября 1794 г. подтверждено. Почему и имѣть строжайшее за водочными заводами смотреніе, чтобъ на нихъ водки, по силѣ упомянутыхъ предписаній, дѣланы были единственно изъ винограднаго вина и виноградныхъ фруктовъ. Въ продажу же производить дѣлаемыя на тѣхъ заводахъ вейновыя водки, по указу 1788 г. ящиками, съ казенною на каждомъ штофѣ печатью, съ платежемъ положенной указомъ 1773 г. августа 8-го дня пошлины, а для запечатанія представлять въ казенныя палаты. Въ 9-мъ пунктѣ сказано: для печатанія всѣхъ водокъ, дѣлаемыхъ въ Россіи, имѣть особую печать, съ надписью: «печать для российскихъ водокъ», для иностранныхъ же водокъ тѣмъ указомъ

велѣно здѣлать особую печать и, по учиненіи нынѣ осмотровъ, оними печатями всѣ водки запечатывать.

«Слѣдуя выполненію толь ясныхъ предписаній, не нахожу я ничего такого, какъ казенная палата пишетъ, чтобъ по-ступлено было со стороны губернскихъ стряпчихъ и прокурора противу ихъ должности, но, вмѣсто того, одобряя ихъ дѣятельность, не могу похвалить распоряженія казенной палаты на сей случай здѣланнаго, ибо, изъ всего ею пространнаго и обиднаго для прокурора и стряпчихъ объясненія, нисколько не можетъ укрыться содѣланное ею упущеніе: 1) что здѣлавъ журналъ, о принятіи за печатаніе водки въ казну акциза, прежде еще исполненія сего, печатаема уже была водка однемъ копейстомъ въ необитаемомъ за городскими воротами домѣ; что здѣлано такъ же и противъ вышесказанныхъ предписаніевъ, и противу журнала, поелику ассессоръ Буровъ, чтобъ точно находился всегда на мѣстѣ печатанія, того изъ объясненія палаты не видно. А доказательство ею на сіе учиненное, подобно какъ и о сторожѣ казенной палаты, котораго губернской прокуроръ съ стряпчими не нашелъ въ палатѣ, есть странно и непристойно, что одинъ выходилъ для законной своей, а послѣдній, по естественной надобности, на дворъ, и стряпчіе, будто, сего времени нарочно выжидали; 2) когда и въ какое время казенная палата располагалась печатать водку, надобно было объявить о семъ губернскому казенныхъ дѣлъ стряпчему, а по небытности его и уголовному, поелику они по своей части одинъ другого мѣста занимаютъ; 3) печатаніе производимо было за городомъ, а не при казенной палатѣ, и 4) имѣвши уже доносъ губернскаго прокурора, что водка печатается непозволенная, а здѣланная изъ хлѣба; но и тутъ палата, не уважа доноса губернскаго прокурора, принуждала стряпчего быть при допечатаніи, который больше осторожности здѣлалъ, что въ исполненію сего не приступилъ, не будучи при ея пробѣ, нежели палата, что осмѣлилась за симъ, въ удобность хозяина водки, оную допечатать. Итакъ, симъ объяснивъ содѣланныя по сей части упущенія, рекомендую намѣстническому правленію, доносъ губернскаго прокурора и стряпчихъ обнаруживъ посредствомъ медицинскихъ чиновъ, находящихся въ Могилевѣ, поступить по предписанію законовъ, а впредь печатаніе оной производить при казенной па-

латѣ; а чтобъ избѣгнуть тѣсноты и траты штофовъ, то ежедневно назначать еѣ печатанію оной водки штофовъ отъ ста до пятисотъ, приставляя къ оной воинскую стражу, доколѣ будетъ производиться запечатаніе оныхъ, и на тотъ разъ извѣщать о бытіи при семъ случаѣ казенныхъ дѣлъ страпчего и медицинскихъ всѣхъ чиновъ, находящихся въ городѣ, и наконецъ, нужнымъ почитаю строго подтвердить, имѣть и за водочными сего рода заводами смотрѣніе, чтобъ на нихъ водки, по силѣ помянутыхъ предписаній, дѣлаемы были единственно изъ винограднаго вина и виноградныхъ фруктовъ.

Петръ Пассекъ».

Сентября 17-го дня, 1795 г. С.-Петербургъ.

Послѣ сего, графъ Аугсбергъ удостоивалъ всегда факультета прокурорскаго поднесеніемъ, въ ящикахъ или полуящикахъ, своихъ водокъ, для пробы, когда привозилъ ихъ печатать. А мы въ семъ случаѣ поступили какъ полу-честные служивые; ибо хотя графъ не въ силахъ былъ представлять всегда водку, дѣлаемую изъ винограднаго вина и виноградныхъ фруктовъ, однако-жъ и хлѣбной представлять не осмѣливался, а дополнялъ иногда часть доставки водкою, дѣланною изъ туземныхъ садовыхъ фруктовъ.

Теперь очень ясно, что подражаніе Фридриху Великому, который говорилъ: «и я люблю ѣсть сыръ голландскій», не оставило всѣхъ насъ троихъ безъ награды; а мнѣ, сверхъ того, опредѣлено было отъ графа на каждой годъ 360 р., то-есть, повтореніе моего жалованья. Симъ кончилась вторая исповѣдь; но грѣхомъ моимъ не долго я пользовался, такъ что едва усперилъ получить дважды годовой мой окладъ. Причина сей краткости всеобщее въ Россіи несчастіе для кающихся грѣшниковъ, для законныхъ во грѣхахъ и для самыхъ праведниковъ. Несчастіе, которое стихотворцы стали бы изъяснять: взошла мрачная туча и среди-дневной свѣтъ покрыла ночью темнотою. Страшные жерлы ея разродилися въ горизонтѣ, произвели хладное и ужасное во всей имперіи наводненіе. Молнія безперерывно разсѣкала горизонтъ, смертельные громовые удары разили, и проч. Но всѣ таковыя изъясненія были бы не что иное, какъ тѣмъ вмѣсто тѣла, слѣдственно, нѣтъ тутъ нужды ни въ буряхъ, ни въ тучахъ, ни въ молніяхъ, ни въ громахъ, а довольно сказать:

умерла государыня императрица Екатерина II, въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1796 г. по тридцати-четыре-лѣтнемъ царствованіи. Вступившій по ней на престолъ государь императоръ.

§ XLV.

Павель I—скончался 1801 г. въ мартѣ мѣсяцѣ *).

§ XLVI.

Въ началѣ 1797 года отправленъ я былъ принявшимъ правленіе губернатора обѣими бѣлорусскими губерніями, могилевскимъ вице-губернаторомъ Захаровымъ, по секретной комиссіи, назначенной по именному высочайшему повелѣнію, въ городъ Климовичи и во весь уѣздъ. Будучи тамъ, получилъ отъ г-на вице-губернатора письмо слѣдующаго содержанія: «Должности ваши уничтожаются **), но способности при васъ. Я желаю опредѣлить васъ, но вашего желанія не знаю. Есть мѣста: городническія, земскихъ исправниковъ, казначеевъ, и два совѣтника въ главный судъ. Скажите мнѣ съ первою почтою рѣшительно, кромѣ, однако, совѣтничьего мѣста, ибо оно подлежитъ затрудненію, въ которое желаете? Марта 18 д. 1797 г.»

Я выбралъ мѣсто земскаго исправника или, по тогдашнему новому наименованію, земскаго комиссара въ Могилевѣ, потому что имѣю тамъ свое гнѣздо, о чемъ и вице-губернатору отписалъ съ благодарностью; но возвратясь въ Могилевъ,—уже послѣ свѣтлаго праздника — услышалъ, что помѣщенъ я въ земскіе комиссары не въ Могилевъ, а въ Витебскъ; и росписаніе послано уже въ сенатъ, для представленія на высочайшее благо-разсмотрѣніе. Въ Могилевѣ же помѣщенъ на сіе мѣсто товарищъ мой, губернской стряпчій Цѣликовскій, который, также какъ и я, имѣлъ въ Могилевѣ домъ, и сверхъ того жену и дѣтей, которыхъ я не имѣлъ. Казалось бы, и справедливо! Но, въ самомъ дѣлѣ, не то.

Цѣликовскій просился на такое-жъ мѣсто въ Оршу, потому

*) Да не подумаетъ читатель, что мы въ этомъ оригинальномъ § что-либо выпустили: онъ изложенъ точно такъ въ подлинной рукописи Добрынина.

Ред.

***) Со вступленія на престолъ Павла I, во многомъ произошла реформа.

Г. Д.

что тесть его тамъ городскимъ головою. Но почти вся казенная палата приступила къ своему вице-губернатору, прося его исторгнуть меня изъ моего гнѣзда, а Цѣликовскому, равнобѣрно, не здѣлать по его желанію, дабы дать намъ почувствовать мщеніе, за вышесказанное печатаніе ею за городомъ хлѣбной водки, въ которой, однакожь, тогда неучаствовалъ вице-губернаторъ, потому что, во время водочной нашей соматохи, былъ онъ въ Бѣлицкомъ уѣздѣ, при строеніи на Днѣпрѣ баркасовъ, для сплавленіи ихъ къ Черному морю, по имянному повелѣнію государыни императрицы.

Горько мнѣ было сіе преселеніе, съ большаго класса сослупить на меньшій; съ домомъ, въ которой погрузилъ почти все, что имѣлъ, долженъ былъ разстаться. Но то и другое было необходимо. Уже всѣ чиновники и вице-губернаторъ отправились къ 1-му числу мая въ Витебскъ, а, я на нѣкоторое время, остался еще въ Могилевѣ, за болѣзнію, больше душевною нежели, тѣлесною *).

Напослѣдокъ — предопредѣленный судьбою; не имѣть ни сродниковъ, ни покровителей, ни пособія пріятелей, кромѣ самого себя и всеобщаго Промысла,—собрался, оставилъ мой домикъ въ присмотръ людямъ, какіе трафились, и выѣхалъ, 1797 г. мая 31-го дня, изъ Могилева въ Витебскъ къ назначенной мнѣ должности.

По выѣздѣ на третій день, въѣхалъ я въ Витебскъ. Первою для меня были встрѣчею: грязь, топь, повсемѣстная нечистота, кривыя узкія улицы, съ долгими отъ кровлей дурныхъ домовъ навѣсами; а внутри сихъ хижинъ — несказанное множество таразановъ, называемыхъ: прусаки.

Въ теченіе лѣтъ 10-ти, Витебскъ отстроился большою частію каменнымъ строеніемъ, такъ что весьма немногіе въ имперіи губернскіе города могутъ съ нимъ сравниться, и прусавовъ уменьшилось, можетъ быть, по причинѣ извести. Внутри же домовъ, образъ жизни хозяевъ — исключая очень немногихъ — не перемѣнился. Если домъ жидовскій, то въ нижнемъ этажѣ — корова; а если христіанскій — то свинья.

*) Далѣе въ подлинникѣ зачеркнуто: «разсудилъ попросить письмомъ приѣхавшаго уже изъ Крыма въ Витебскъ витебскаго губернатора С. С. Жегулина, чтобъ онъ перемѣнилъ...». Фраза не кончена. Ред.

На первой случай остановился я на квартирѣ у Б., а на другой день явился въ губернатору, прибывшему недавно изъ Крыма. Безъ сомнѣнія, новость правленія была причиною, что я нашелъ у него набиту полну комнату людей, штатскихъ дворянъ, помѣщиковъ, и другихъ. Онъ лежалъ въ нишѣ на одрѣ — которой былъ родъ дивана — въ бѣломъ халатѣ, лѣвая нога свѣшена, а правая съ нимъ на диванѣ, курилъ трубку табаку и диктовалъ письмо своему писарю, сѣдящему при столикѣ при его диванѣ, въ темнозеленой курточкѣ, съ маленькими, черными, подрѣзанными усиками. Онъ узнавъ, что предъ него явился витебскій земскій комиссаръ, сказалъ: — отнявши трубку — «вы не послѣдно приѣхали въ вашей должности». Я выставилъ въ мое оправданіе болѣзнь, о которой, примолвилъ я, доносилъ его превосходительству. А онъ мнѣ отвѣчалъ приказаніемъ, вступить поскорѣе въ должность, и примолвилъ: «я удостовѣренъ, что вы вашею исправностью наградите пропущенное время».

Лишь только я показался въ мой нижній земскій судъ, то нашло и ко мнѣ народу, почти третья часть противъ губернаторскаго. Жиды, всензы, помѣщики; всѣ поздравляли, всѣ оказывали, какъ-будто, радость, что приѣхалъ — по ихъ словамъ — хозяинъ уѣзда *).

Признаюсь, для меня было странно, что когда былъ я на высшемъ степені, тогда меня никто не поздравлялъ, а когда сдвинуть ниже, тогда явилось много поздравителей. Они пригудили меня взять позицію, приличную поздравлений. Но я не могъ себя внутренно пересилить, будучи единожды тронуть чувствительностью, въ томъ, что перемѣщеніе съ 7-го класса на 9-й столько дѣлаетъ чести въ службѣ, какъ разжалованіе изъ подполковниковъ въ капитаны. Разсужденіе, что я горюю не одинъ, а многіе по всѣмъ губерніямъ, и что я пониженъ не за преступленіе, но по волѣ и распоряженію государя, певущагося о благѣ своихъ подданныхъ, мало грусть мою облегчало.

Обѣдъ мой былъ у Б. Онъ, казалось, не помнилъ узавленія, причиненнаго ему мною за обманъ меня по дѣлу мачтовому.

*) Земскій капитанъ, или исправникъ названъ въ высочайшемъ учрежденіи о губерніяхъ и хозяиномъ уѣзда. Къ правленію покойной государни императрицы и новоприобрѣтенной народъ столько привыкъ, что, даже по смерти ея, съ удовольствіемъ повторялъ слова ея: «хозяинъ уѣзда». Г. Д.

Но вообще, для каждаго, сталъ онъ спѣсивѣе, потому что, будучи перемѣщенъ изъ секретарей въ ассесоры казенной палаты, управлялъ онъ и губернаторскою канцеляріею. Я спросилъ его: что удерживаетъ губернатора въ таковой позиціи, въ какой я его видѣлъ? «Онъ боленъ ногами», отвѣчалъ мнѣ Б.

Въ продолженіе дня видѣлся я почти со всѣми служащими, начиная съ вице-губернатора, и видѣлъ каждаго въ такомъ положеніи, какъ будто и они помѣщены, съ верхней степени на нижнюю, и какъ будто никто еще не зналъ, за что ему приниматься, хотя и всѣ они мѣсяцомъ раньше меня приѣхали.

Между тѣмъ, нужно было искать квартиры, и я опытно удостовѣрился, что, изъ двухъ тысячъ слишкомъ домовъ и лачужекъ, едва ли находилось во всемъ городѣ десятокъ, въ которые бы можно было войти безъ отвращенія, по ихъ нечистотѣ. Однакожъ вездѣ есть люди скорые къ услугамъ, изъ какаго-бы источника ни происходила сія добродѣтель. Еврей Давидъ Шлемовичъ, узнавъ мою надобность, искалъ со мною видѣться и, встрѣтаясь, предложилъ мнѣ квартиру въ своемъ домѣ. Два покоевъ пригодились для меня тѣмъ лучше, что были на другомъ этажѣ и при самой большой улицѣ. Я нанялъ ихъ за сходную цѣну.

Въ одинъ день предъ вечеромъ, шелъ я по улицѣ и нечаянно узналъ, по входящему въ одинъ домъ народу, что тамъ будетъ играна комедія на польскомъ языкѣ приѣзжими актерами. Взявши билетъ, вошелъ и я туда, въ такую пору, когда уже публика собралась и театръ ожидалъ только одного губернатора; ибо въ тѣхъ мѣстахъ или городахъ, гдѣ театральнѣйшій порядокъ не устроенъ, или гдѣ наѣзжіе бываютъ актеры, всегда, для открытія зрѣлищъ, служатъ вмѣсто положенныхъ часовъ самъ начальникъ. Ожидая его, я воображалъ, что онъ нянчитъ свои больныя ноги и что явится въ театръ въ бархатныхъ сапогахъ, опираясь на толстую трость, поддерживаемъ слугою. Но я удивился, увидя какъ его превосходительство вступилъ туда хвацкимъ молодецкимъ шагомъ, раскосанъ, распудренъ, въ башмакахъ, въ бѣлыхъ чулкахъ, лишь только икры мелькаютъ.

Въ теченіе времени узнано, что онъ былъ великой мастеръ жить на свѣтѣ. Онъ, видя скользкой путь тогдашней службы, не пропускалъ, при всякомъ случаѣ, писать къ знающимъ его въ Петербургъ, что онъ человѣкъ больной, что онъ, изъ единого вѣрноподданничес-

каго долга и неограниченнаго усердія къ государю императору, держитесь при должности; что, по слабости его здоровья и по вѣрности его припадковъ, радъ онъ, на всякое время, оставить службу. Отъѣзжающимъ же изъ Витебска, или переѣзжающимъ чрезъ Витебскъ въ Петербургъ, говаривалъ, лежа на диванѣ и свѣся одну ногу: «вотъ, братъ, каково положеніе управляющаго губерніею! Куда я гожусь? Еслибъ государь императоръ, по милости своей, уволилъ меня съ кускомъ хлѣба—а о томъ смалчивалъ, что отъ покойной государыни императрицы получилъ хорошія деревни — я былъ бы очень доволенъ». А между тѣмъ ѣдалъ, пивалъ, сыпалъ по-богатырски. Если кто его о чемъ просилъ, никому ни въ чемъ не отказывалъ, всякаго отпущалъ довольнымъ и благонадежнымъ, и никому ничего не дѣлалъ. Кто первой сказалъ: что «надежда есть пища дураковъ», тотъ видно зналъ С. С. Жегулина. Въ замѣну того, онъ былъ терпѣливъ, переносилъ все и не былъ мстителемъ, въ противность мнѣнія Гомера, которой говоритъ: «мщенье есть удовольствіе боговъ». По простствіи лѣтъ двухъ былъ онъ, и въ самомъ дѣлѣ, уволенъ, по прошенію съ полною пенсіею, какая милость, въ тѣ поры, очень рѣдко была употребительна.

Отправляя новую должность, привыкалъ я къ ней по возможности. Но, понеже она была такого сорта, что имѣла связь не только съ уѣздными, но и съ городскими иногда жителями всякаго состоянія *), то и нельзя столько быть и дѣятельну и добродѣтельну, чтобы всякой былъ мною доволенъ. Было иногда не безъ жалобъ на меня губернатору; но онъ, сколько мнѣ извѣстно, имѣя въ виду мою дѣятельность, требовалъ только отъ меня объясненій, и тѣмъ ованчивалъ. Напоследокъ и люди неугомонные, узнавъ, что я исполнитель больше повелѣній, нежели самовластной дѣлъ рѣшитель, образумились и полюбили, такъ что во всю мою въ сей должности бытность, — съ 1797-го по 1800-й годъ — меня одобряли за скорой разборъ и удовлетвореніе случившихся между ими, по сосѣдству и общежитію, ссоръ, а отъ начальства — котораго надо мною было довольное число **), не

*) По присоединеніи къ Витебскому уѣзду частей отъ другихъ уѣздовъ, всего числомъ жителей, положенныхъ въ ревизію, состояло въ Витебскомъ уѣздѣ болѣе 45-ти тысячъ душъ, и болѣе 50-ти дворянскихъ домовъ, не полагая въ се число околичной шляхты.

Г. Д.

**) Нижній земскій судъ и земскій комиссаръ подъ повелѣніемъ состоятъ

только я, но и тотъ судъ, въ которомъ былъ я первымъ, при мнѣ ни штрафованъ, ни подъ выговоромъ не былъ.

Въ исходѣ 1798 г., на мѣсто Жегулина присланъ дѣйствительный статскій совѣтникъ Бѣлокопытовъ; человекъ очень доброй, и доброй фрунтовой служивой, но, для начальника губерніи, старъ и слишкомъ добросердеченъ и искрененъ. Онъ пробылъ губернаторомъ около полугода, уволенъ съ половиннымъ пансіономъ. На его мѣсто присланъ изъ Петербурга г-нъ Сѣверинъ, тайный совѣтникъ, служившій по артиллерійской части, по гвардіи, членомъ въ военной коллегіи, слѣдственно по службѣ огнень, а по натурѣ молодъ; скоръ безъ расторопности, рѣшителенъ безъ основательности. Былъ влюбчивъ, и всё дѣла шло по страсти. Хорошо зналъ курсъ монеты, ловокъ былъ ея приобрѣтать, и всегда ему ея недоставало. Часто давалъ на себя подозрѣніе, что онъ говоритъ и дѣйствуетъ въ замѣшательствѣ. При всемъ этомъ, столько былъ скрытенъ, что никому не далъ себя понять, въ какихъ соотношеніяхъ былъ онъ со нравственностью. Вслѣдствіе сего, вспало ему на умъ очистить мое мѣсто и дать его полезнѣйшему. Я, узнавъ ковы, просилъ его превосходительство, чтобъ онъ мнѣ далъ такое же мѣсто въ Могилевѣ — которое очистилось смертію бывшего моего въ Могилевѣ по губернскому стряпчеству товарища Цѣликковскаго — но и то занято человекомъ полезнѣйшимъ, а мнѣ отказъ. Оба сіи полезнѣйшіе были, при мнѣ, засѣдателями въ нижнемъ земскомъ судѣ, и оба возжелали сдѣлаться мнѣ непріятельми, съ помощью своихъ деревень и родни и губернаторской алчности. А я, въ защиту мою, ничего не имѣлъ кромѣ службы. Посему, будучи въ скукѣ, печали, никѣмъ ни подкрѣпленъ, всегда оставленъ, будучи пришлецъ въ землю чуждую, — я заболѣлъ, въ зиму съ начала 1800 г. эпидемическою, тогда, болѣзнію и, болѣе 6-ти недѣль, не могъ выходить изъ горницы. Все сіе было подкрѣпленіемъ къ исполненію Сѣверину своихъ намѣреній.

Тогда, по имянному повелѣнію, въ нѣкоторыхъ губерніяхъ, въ томъ числѣ и въ Витебской, ревизовалъ присутственныя мѣста сенаторъ графъ Илинскій. По выѣздѣ его изъ Витебска, при-

губернатора, подъ указами: губернскаго правленія, казенной палаты, двухъ департаментовъ: уголовного и гражданскаго, и повѣтоваго земскаго суда.

Г. Д.

сталъ ко мнѣ Сѣверинъ ордеръ слѣдующаго содержанія: «По повелѣнію его сіятельства, графа А. И. Илинскаго, усмотрѣвшаго неисправность вашу по должности, удалены вы отъ мѣста».

Болѣзнь въ болѣзни!—Камень въ воду брошенъ, таскать его трудно! — Болѣзнь въ болѣзни! я заболѣлъ ногами и, еще, продолжалъ сидѣнье дома. Но мало по малу оздаравливая, сталъ, съ помощію очистившагося посредствомъ болѣзни разсудка, помышлять: что мнѣ дѣлать? имѣнія, куда бы уклониться, не было; вѣнаться обидѣвшему,—человѣку разсѣянному, вельможею или бариномъ не родившемуся (онъ былъ сынъ придворнаго портного мастера или закройщика), замѣшанному на интересѣ, обогащенному пустословіемъ, бѣдному чистымъ смысломъ,—вѣнаться и просить у него царской службы, я не могъ обратиться съ духомъ. Прося же въ сенатѣ, нельзя было скрыть, что губернаторъ меня отрѣшилъ, какъ своего камердинера *), самодержавно. Слѣдственно, прося мѣста, надлежало быть и просителемъ на губернатора, или — что еще хуже — доносителемъ на него, чего мнѣ очень не хотѣлось, не для того, чтобъ я его робѣлъ, но для того, чтобъ какой-нибудь сенаторъ, бывши самъ губернаторомъ не лутче Сѣверина, не закричалъ въ сенатѣ, что проситель человекъ заносчивой, если смѣетъ жаловаться на губернатора. Такова есть участь человекъ чувствительнаго и размышляющаго. Онъ мучитъ самъ себя, и никогда не согласится оставить своего мученья на тотъ конецъ, чтобъ имѣть вѣдной лобъ и чугунное сердце. Какъ-бы то ни было, я былъ хуже, нежели въ отставкѣ, потому что былъ безъ аттестата, безъ должности, съ поклепомъ неисправности.

Разсуждая и заботясь какъ-бы себѣ помочь, умѣлъ уже я знать, что чужое горе никого не трогаетъ, и жалоба моя не произведетъ ни въ комъ жалости. Итакъ, положилъ я, къ правленію моей участи, вотъ какое основаніе: я росписалъ всю причиненную мнѣ обиду самымъ историческимъ и, по возможности моей, короткимъ стилемъ, изъ котораго самъ по себѣ выходилъ смѣшной и забавной тонъ, какимъ я и цѣдилъ его выставить, наименовалъ мое росписаніе реляціею. Сію реляцію послалъ въ Петербургъ къ пріятелю, которой былъ мнѣ знакомъ

*) Сравненіе въ подлинникѣ это зачеркнуто.

еще по могилевской службѣ и о которомъ я зналъ, что онъ имѣетъ талантъ вкрадываться въ кабинеты вельможъ. Я не позабылъ туда же всунуть и четырехъ-сотъ рублей ассигнаціями *), дабы возбудить справедливость, которая, безъ денегъ, всегда спитъ.

Въ скоромъ времени получилъ отвѣтъ, что реляція моя читана генераль-прокурору П. Х. Обольянинову и возымѣла свое дѣйствіе. Но какъ въ семь отвѣтъ не много было яснаго, а еще меньше удовлетворительнаго, то бросился я съ письмомъ, чрезъ посланнаго, въ генераль-лейтенанту Петру Ивановичу Боборыкину, обвѣщенному орденами и почтенному лѣтами и службою.

Сей старой генераль не говорилъ иностранными языками, а службу хорошо зналъ, служа по гвардіи съ самыхъ нижнихъ чиновъ. Онъ не танцевалъ, а имѣлъ инструментальную музыку, охочъ былъ принимать у себя гостей, и у него пласали. У него не было иностраннаго повара, а столъ былъ хорошъ. Для него-же онъ тѣмъ вкуснѣе, чѣмъ больше гостей. Онъ былъ вдовъ, а сына одного и послѣдняго потерялъ, сражавшагося противъ шведа. Не должно пропустить одного его дѣйствія, знаменующаго черту его характера и патріотизма, о чемъ, въ его время, зналъ весь Петербургъ:

Онъ, будучи гвардіи майоромъ и армейскимъ генераль-майоромъ, когда узналъ, что сынъ его убитъ на сраженіи, потребовалъ полковую музыку, собралъ гостей, и ну пировать цѣлые сутки. Государыня императрица, замѣтя безперерывной звукъ бубновъ, литавръ, барабановъ, съ пѣсенниками, спросила: «что это за торжество? у кого оно?» Ей донесли, что Боборыкинъ торжествуетъ потерю сына. «Видно старику припалъ сердечной смѣхъ», сказала монархиня съ жалостію. Нѣтъ, отвѣтствовали ей, онъ здоровъ и, въ полномъ присутствіи духа, каждому въ слезахъ говорить: что, для благороднаго человѣка, нѣтъ славнѣе мѣста умереть, какъ сражаясь за отечество. Государыня императрица послала, тотчасъ, увѣрить его, что она, хотя не можетъ возвратить ему сына, котораго вмѣстѣ съ нимъ оплакиваетъ, однакожь приеметъ на себя попеченіе, помнить и награждать его потерю во всѣ остатки дней своихъ.

*) Тогда рубль серебряной былъ въ рубль десять копѣекъ ассигнаціонныхъ.

Я, знаяши эту исторію, когда напомнилъ ему объ ней. онъ мнѣ отвѣчалъ: «Да! потеря сына чуть-ли бы не вогнала меня во гробъ, еслибы не оживила меня своею милостью покойная императрица. А какъ, послѣ того, умерла моя жена, то я два года въ церковь не ходилъ, и не хотѣлъ ничего признавать за святое. Богъ, однакожь, милостивъ, не далъ мнѣ погибнуть въ отчаяніи; а если ты хочешь знать, я тебѣ скажу случай, когда я чуть не былъ задушонъ радостью и удовольствіемъ; могу побожиться — продолжаетъ старой воинъ, — что ни одинъ генералъ російскій не былъ столько счастливъ какъ я. Ты, я думаю, и самъ знаешь, что никогда столько, по гвардіи, не пережаловано російскаго благороднаго юношества въ унтеръ-офицеры и сержанты, какъ за бытность мою въ гвардіи майоромъ. Изъ унтеръ-офицеровъ и сержантовъ, обыкновенно, выпускались въ полевые полки поручиками и капитанами. Я дѣлалъ это не изъ корыстолюбія, хотя и могъ набогатиться такъ же, какъ другіе, въ другихъ полкахъ, набогачались. Я дѣлалъ это изъ охоты не отказывать, когда меня просятъ; сама государыня императрица знала, что я не корыстуюсь. Преемникъ мой по гвардіи, Александръ Михайловичъ Римскій-Корсакъ удивился, когда я сдалъ ему съ рука на руки огромное количество полковой экономической денежной суммы, которую я могъ бы себѣ присвоить, не боясь никого. И когда одинъ изъ добрыхъ генераловъ сказалъ Корсаку предъ государынею императрицею, что вамъ дескать Боборыкинъ оставилъ не полное число въ полку лошадей; тогда Корсакъ отвѣчалъ: «лошадей купить не мудрено, когда Боборыкинъ накопилъ и мнѣ отдалъ огромную экономическую сумму».

— Ваше превосходительство — сказалъ я — хотѣли сказать, какую вы чувствовали радость и удовольствіе, какихъ ни одинъ російскій генералъ.

— «Да; случилось мнѣ быть въ Москвѣ. Я вошелъ въ театръ и сѣлъ въ партерѣ. Черезъ минуту по всему театру пошолъ гулъ, дагъ-больше, дагъ-больше и вдругъ, во всѣхъ ложахъ и въ партерѣ, ударили въ ладоши, и закричали повторяя: «Петръ Ивановичъ Боборыкинъ! Петръ Ивановичъ Боборыкинъ!» а г-жи княгини, графини, и другихъ знаменитыхъ фамилій, будучи бабушки, тетушки, матушки, сестрицы, во всю мочь кричатъ со всѣхъ мѣстъ: «дайте намъ Боборыкина! покажите намъ благодѣтеля нашихъ дѣтей!»

нашихъ внуковъ! нашихъ братьевъ! племянниковъ!» Иныя вскакиваютъ на стулье, на парасеть, и кричатъ: на руки его! на руки его! Въ жизни моей, я ни прежде ни послѣ не былъ пораженъ такою радостію и удовольствіемъ, какъ тогда».

Напослѣдоеъ оказалось, что еслибы я не бросился къ Боборыкину, то сей (смотри выше) пріятель чисто бы меня обманулъ. Онъ успѣлъ высосать отъ меня 700 р. и успѣлъ чрезъ письма стаянуться съ Сѣверинымъ, не сомнѣваясь, что отъ него получить больше какъ отъ меня; однакожь не удалось. Письмо Боборыкина помѣшало. Вотъ каково на свѣтѣ!

Онъ жилъ въ разстояніи отъ города версты на двѣ, въ пожалованномъ ему имѣніи. Близость разстоянія требовала изъясниться лично; но я изъяснился письмомъ, извиняясь, что послѣ болѣзни не могу еще выходить, и проч. Онъ отвѣчалъ: что давно искалъ случая быть мнѣ полезнымъ, и даже сердитъ былъ на меня за то, что будучи я въ моемъ несчастіи не употребилъ его до сихъ поръ въ мою пользу, и что онъ теперь все то для меня радъ здѣлать, въ чему я подамъ ему свою мысль.

Будучи безъ помочи, оживился я отвѣтомъ сего благодѣтельнаго мужа. Когда я въ нему явился, онъ повторилъ лично свои слова, сказанныя мнѣ чрезъ посланнаго.

Послѣ сего, приступили къ дѣлу. Я предложилъ ему мою мысль вопросомъ: «угодно-ли будетъ вашему превосходительству письмо мое, адресованное къ особѣ вашей третьяго дня, вложить въ свой пакетъ при своемъ письмѣ къ генераль-прокурору Обольянинову? Мы тѣмъ избѣжали бы многихъ изъясненій, которыя уже тамъ помѣщены».

— «Да вѣдь онъ мнѣ внучатной братъ — вскричалъ мой заступникъ — я вѣдь его зналъ, какъ онъ былъ еще ассессоромъ въ № казенной палатѣ, а я и тогда уже былъ тотъ же, какъ ты теперь меня видишь, кромѣ александровскаго ордена. Напиши къ нему отъ меня письмо объ себѣ; вотъ тебѣ — указывая на бюро — и всѣ тутъ потребности». Показавши, самъ пошелъ въ баню, которая тутъ же была въ покояхъ, и въ которой онъ, по причинѣ величайшаго геморoidalнаго припадка, обыкновенно леживалъ на полку, безъ одѣянія.

Написавши, понесъ ему въ баню и прочиталъ. Онъ, взявъ письмо, прочиталъ его самъ и сказалъ: «оно хорошо! да только

ты не изъяснилъ, что Сѣверинъ человекъ дурной и безсовѣстной». Дважды я выправлялъ, перебѣливалъ, и ни одно не годилось, для того, что я Сѣверина мало бранилъ. Я употребилъ всю возможность на соглашеніе его, чтобы онъ не писалъ, что Сѣверинъ человекъ безсовѣстной, и проч. «Довольно и того — говорилъ я — если мы, объясняя его чудотворенія, выставимъ его человекѣмъ не меньше дурнымъ, какъ и смѣшнымъ, не говоря ни слова хороша ли онъ или худъ, честенъ или безсовѣстенъ». И хотя онъ во многомъ меня послушалъ, однако-жъ на послѣдокъ требовалъ, чтобы я непременно вмѣстилъ собственныя его въ генераль-прокурору слѣдующія слова:

«Если ваше высокопревосходительство неудовлетворите Добрынина возвращеніемъ ему службы, то я радъ пасть передъ моимъ монархомъ, во удостовѣреніе, что Добрынинъ человекъ честной, благородной и исправной по должности, а Сѣверинъ человекъ дурной, безсовѣстной, которой Добрынина не терпитъ для того, чтобы ему съ нимъ не пришлось сѣсть въ губернскомъ правленіи за однимъ столомъ». Между тѣмъ, каково мнѣ было въ банѣ-то быть одѣтому, если ему въ пору только было лежать раздѣтому? Однако-жъ тогдашній большой жаръ мнѣ ни малѣйшаго не причинялъ безпокойства, потому что было для чего потѣть.

Окончивъ наше письмо, приложили къ нему въ одинъ пакетъ и мое съ распечатаннымъ пакетомъ, писанное къ Боборыкину, и запечатавъ, отправили на почту къ генераль-прокурору въ Петербургъ.

Въ скоромъ времени извѣщенъ я отъ того же пріятеля, что «и Боборыкина письмо получено. Оно послужило къ лучшему. Генераль-прокуроръ приказалъ подать къ себѣ изъ сената донесеніе обозрѣвавшаго Витебскую губернію сенатора графа Илинскаго, дабы согласить оное съ письмомъ Боборыкина и съ приложеннымъ при ономъ въ подлинникѣ вашимъ письмомъ».

Вскорѣ послѣ сего получилъ я — однако-жъ не отъ того пріятеля, а изъ канцеляріи генераль-прокурора — и копію съ письма генераль-прокурора Оболянина, писаннаго къ губернатору Сѣверину, которую здѣсь вмѣщаю:

«Отъ вашего превосходительства поступило въ правительствующій сенатъ представленіе, объ отрѣшеніи витебскаго земскаго комисара Добр... отъ должности за найденную осмат-

ривавшимъ Бѣлорусскую губернію сенаторомъ, графомъ Илинскимъ, неисправность, которой однако-жь не объяснено, почему онъ подвергается изъключенію изъ службы безъ доказательства и обличенія поступка. Кромѣ того, что сей чиновникъ, извѣстный мнѣ съ весьма хорошей стороны, какъ отличный въ немаловажной своей службѣ, въ усердіи и исправности; въ присланномъ нынѣ въ правительствующій сенатъ, отъ упомянутаго, свидѣтельствовавшаго присутственнаго мѣста въ Бѣлорусской губерніи сенатора, графа Илинскаго донесеніи, не показана неисправность витебскаго земскаго комиссара; а, напротивъ, показано медленное и безпорядочное производство дѣлъ, между прочими мѣстами, въ полотскомъ нижнемъ судѣ, котораго комиссаръ Коссовъ, какъ замѣченный вами исправнымъ, способнымъ и дѣятельнымъ, представленъ въ перемѣщенію въ витебскій нижній земскій судъ, для лучшаго успѣха въ отправленіи въ ономъ дѣлъ. По таковой несогласности въ представленіяхъ, и же видя точно противнаго поступка витебскаго земскаго комиссара Добрынина, по которому бы подвергался онъ отрѣшенію отъ мѣста и безъ предварительнаго сужденія, долгомъ почитаю, поставя въ виду вашему противорѣчію обстоятельства, просить покорно ваше превосходительство объяснить мнѣ оныя, и въ чемъ состоятъ упущенія и неисправности его? и обнаружены-ли оны? Какъ же по представленію вашему объ немъ въ правительствующемъ сенатѣ еще никакого рѣшенія не сдѣлано, то, въ случаѣ необнаруженнаго проступка его, обратитъ на него справедливое вниманіе ваше. На что ожидаю увѣдомленія вашего».

23-го дня марта, 1800 г.

Сію волю, получая отъ меня милостивецъ мой, почтеннѣйшій мужъ Боборынинъ, умножалъ мою радость своею, и радовался ея со мною. Итакъ, будучи я въ благонадежномъ ожиданіи вѣща дѣлу, вздумалъ, для прощанія скуки, при вѣдѣ апрѣля, съѣздить въ Могилевъ. Я туда прѣѣхалъ въ тихую лунную весеннюю ночь. Въ городскихъ воротахъ задержался я отъѣздомъ: что «имѣю здѣсь собственной мой домъ»; безъ того бы меня, въ тогдашнюю строгую пору, не впустили въ городъ безъ напиртка, котораго мнѣ взять было неоткуда, потому что глава губерніи былъ мой врагъ.

Лишь только я подѣхалъ къ воротамъ моего дома, то прежде всѣхъ услышалъ мой Дельфинъ, мой непритворной и неизмѣнной другъ, моя собака. Онъ былъ смѣсь легавыхъ съ туземными большими собаками. Онъ, почувствовавши меня обоняніемъ, началъ драть лапами по воротамъ, лаять и визжать. Лишь только я влинулся: Дельфинъ! онъ бросился отъ воротъ, вслочилъ по лѣстницѣ въ садъ, добѣжалъ, по ровной горѣ, до забора и спрыгнулъ на улицу съ такой высоты, съ какой никогда не прыгивалъ, перебѣжалъ по улицѣ ко мнѣ прежде нежели отперли мнѣ ворота, прыгнулъ мнѣ на самую шею и началъ снова повторять свою радость лаемъ и визгомъ. Я обнималъ его драгоценную чувствительность, повторяя его имя, и тотчасъ, при вѣздѣ на дворъ, вынулъ отъ столоваго моего запаса хлѣбъ и большой кусокъ жаркова, но его не могъ этимъ занять. Онъ бросился бѣгать по садовымъ тропинкамъ и, возвращаясь многократно ко мнѣ, прыгать на груди, пока наконецъ радость его пришла въ умѣренность, и онъ принялся за свою порцію. Я, неотходя отъ него и почти не выпуская его изъ рукъ, плакалъ по моему малодушію, и въ горести мыслилъ: непостижимое Провидѣніе! Ежели безъ воли твоей ничто не бываетъ и не движется, то на какой конецъ даешь ты мнѣ чувствовать безмѣрное разстояніе между Сѣверинымъ и Дельфиномъ!

Я пробылъ въ моемъ домикѣ три дни, ходя то по саду, то по покоямъ и питая скуку. Въ одну пору, послѣ полудни, выдернулъ я изъ комода ящикъ, почти безъ намѣренія, ибо зналъ, что въ немъ ничего нѣтъ; но, противъ чаянія, нашелъ тамъ прежнюю мою шпагу, обтянутую по ефесу чернымъ флеромъ, на кончину императрицы, и нѣсколько обрѣзковъ тѣхъ же печальныхъ видовъ. Я сѣлъ при нихъ и пробылъ безъ движенія нѣсколько минутъ, приводя на память и пробѣгая мысленно время, прожитое въ Могилевѣ съ начала открытія намѣстничества и конченное горькою для россиянина смертію матери отечества, Екатерины Второй.

Въ семь, можно сказать, изступленіи, я прилетѣлъ на канавъ и приуснулъ. Мнѣ приснилось, что я тоскую и пою самымъ унывымъ тономъ:

Куда ты дѣвалась Екатерина?

Унесла ты съ собою наше благополучіе!

Проснувшись, ощутилъ въ груди моей сильное бѣненіе. Тонъ, которымъ я пѣлъ во снѣ, такъ сильно въ меня вѣзался, что я не только, проснувшись, повторилъ его въ мысляхъ, но даже и теперь могъ бы положить его на ноту.

Возвратясь въ Витебскъ, получилъ я и съ другаго письма копію, писаннаго отъ генераль-прокурора къ Сѣверину, слѣдующаго содержанія:

«Изъ отзывовъ вашего превосходительства о витебскомъ земскомъ комиссарѣ Добрынинѣ, усматривая ваше благосклонное къ нему расположеніе, потому что соглашаетесь доставить ему другое мѣсто, и убѣждаясь я съ хорошей стороны объ немъ, обязанностію поставляю, просить васъ совершить милостивое ваше объ немъ предположеніе, чтобъ, въ самомъ переимѣненіи, позволить ему воспользоваться собственнымъ выборомъ. Вслѣдствіе сего, здѣланное вами объ немъ и о переимѣненіи другихъ чиновниковъ, въ правительствующій сенатъ, представленіе, при семъ возвращая, пребываю съ истиннымъ почтеніемъ».

Сѣверинъ, зная, что меня покровительствуетъ Боборыкинъ, прислалъ къ нему нарочнаго, съ письмомъ, въ которомъ спрашивалъ: «Куда г. Добрынинъ желаетъ? земскимъ-ли комиссаромъ? или во 2-й департаментъ главнаго суда совѣтникомъ?» Боборыкинъ далъ мнѣ объ этомъ знать; а я, прискакавъ къ нему съ благодарностію, объявилъ желаніе быть совѣтникомъ. Такимъ образомъ, пошло обо мнѣ представленіе отъ губернатора въ сенатъ, противное совсѣмъ первому его представленію.

Между тѣмъ, разсуждая, что я до полученія обо мнѣ изъ сената указа свободенъ, взялъ — во время отъѣзда губернатора по губерніи — отъ вице-губернатора подорожную, въ намѣреніи поѣхать въ Россію, единственно чтобы видѣть обитанныя мною въ малолѣтствѣ и юношествѣ мѣста, съ ними поздороваться, и — проститься! Но не успѣлъ еще прибраться въ дорогу, какъ получилъ отъ вице-губернатора Энгельгардта записку, съ повдраніемъ меня, по полученному отъ сената указу, совѣтникомъ во 2-мъ департаментѣ, и съ требованіемъ: чтобъ я возвратилъ ему подорожную. Итакъ, съ іюня мѣсяца 1800 года я совѣтникъ.

Сѣверинъ съ полгода еще пробылъ губернаторомъ, и, во все это время, ни однажды не пригласилъ меня къ своему столу.

даже и въ торжественные дни: доказательство, сколь ему чувствительно было помѣщеніе совѣтникомъ челоувѣка, котораго онъ не желалъ видѣть и на меньшемъ степеніи. Любящіе всякую поѣсть съ концомъ, можетъ-быть, пожелали бы знать: за что гнѣвъ и немилость губернатора на земскаго комиссара простирались даже до лишенія службы? На сіе отвѣтствую: знаетъ о томъ купецъ да продавецъ и каждаго уѣзда земскій комиссаръ Бѣлорусской тогдашней губерніи.

Вдругъ неожиданно получается указъ изъ сената, съ прописаніемъ иманнаго высочайшаго повелѣнія: что «бѣлорусскій губернаторъ Сѣверинъ, за многія смертноубивства, случившіяся въ его губерніи, отставляется отъ службы».

Онъ выѣхалъ въ деревню, приобретенную трудами губернаторскими, состоящую душъ изъ 400 мужескихъ, и отстоящую отъ Витебска верстъ на 25 *).

На мѣсто его вступилъ генераль-майоръ Тарбѣевъ, лѣтъ ему было подъ 60. Онъ изъ плацъ-майоровъ — забылъ какой на Балтійскомъ морѣ вѣрности **), — пожалованъ почти вдругъ генераль-майоромъ, кавалеромъ и витебскимъ губернаторомъ. Челоувѣкъ былъ хорошій, зналъ службу. Много читалъ, много помнилъ и охотникъ былъ рассказывать о дѣйствіяхъ и поведеніяхъ знаменитыхъ особъ, служившихъ, особливо въ Россіи, которыхъ онъ или зналъ или объ нихъ читалъ. Столовъ и баловъ у него никогда не бывало; но для малаго количества лицъ былъ онъ каждодневно гостепримчивъ, нескупъ и ласковъ. Жена его, нѣмка, сама присматривала въ кухнѣ, а иногда и занималась; почему каждое на столѣ блюдо было въ наилучшемъ вкусѣ и опрятности. Онъ уже былъ старъ для безповойной губернаторской должности. Отставленъ съ половинною пенсією, и умеръ въ деревняхъ, пожалованныхъ ему на 12 лѣтъ.

На его мѣсто присланъ дѣйствительный статскій совѣтникъ Шишкинъ. Онъ былъ лѣтъ подъ 40, служилъ по гвардіи и потомъ, въ штатской службѣ; былъ вице-губернаторомъ въ Смо-

*) Когда, въ 1807-мъ году, избираемы были по баламъ милиціонные губернскіе начальники. тогда дворянство Витебской губерніи положило на сторону Сѣверина только три шара избирательныхъ—изъ трехсотъ. Г. Д.

***) Арнсбургъ.

Позднѣйшая приписка. Г. Д.

Сноска эта сдѣлана авторомъ сбоку рукописи другими чернилами. Ред.

ленскѣ, совѣтникомъ въ государственномъ ассигнаціонномъ банѣ и, на послѣдокъ, витебскимъ губернаторомъ. Человѣкъ счастливой памяти, зналъ два языка, знакомъ съ литературою и ничего не писалъ. Разсуждая объ людяхъ, умѣлъ ихъ теорически узнавать и различать, но дѣятельно не отличалъ умнаго отъ дурака, ребенка отъ старика. Ловокъ и вѣжливъ въ порядкѣ разговора, и былъ наипрїятнѣйшій человѣкъ въ гражданскомъ обращеніи. Физиогномію имѣлъ благородную; нравственность, подвѣрѣнная воспитаніемъ, не позволила ему пользоваться отъ должности противозаконными прибытками; но послѣ вышли непрїятныя обстоятельства, — которыхъ и ожидать надлежало, — что онъ радъ бы былъ своему горю помочь, откуда-бы то ни было; но никто ему ничего не давалъ, потому что губернїемъ управлялъ секретарь его, а губернскимъ городомъ — полицмейстеръ. Будучи таковымъ, онъ вѣрилъ отъ всего сердца, что цѣлая губернія, по любви своей къ нему, готова носить его на рукахъ.

Онъ отставленъ въ исходѣ 1807 года, съ полнымъ пансіономъ, какъ человѣкъ хорошій.

Съ 1808 года, на мѣсто его вступилъ дѣйствительный статскій совѣтникъ Сумароковъ, человѣкъ съ французскимъ языкомъ, съ стихотворствомъ и способностью писать. Два тома сочиненій его съ естампами, подъ названіемъ: «Досуги крымскаго судьи» дѣлаютъ ему честь и обнаруживаютъ его дарованія. Его комическія сочиненія довольно веселы и нравоучительны. Но онъ самъ ни на своихъ, ни на чужихъ никогда не смѣялся и не свисталъ. И для того, нѣкоторые сочинители, которыхъ сочиненія гораздо ниже его сочиненій, его не хвалили *). Во всю бытность губернаторства его — видѣли, что онъ радѣтель, скоръ, взыскателенъ, справедливъ, безкорыстенъ, своеобразливъ, упрямъ, забывчивъ, не всегда вѣренъ, не злопамятливъ, не скупъ; чуждъ непозволительныхъ приобрѣтеній съ просителей, и не самой хорошій плательщикъ долговъ. Былъ любочестивъ и мастеръ принимать у себя большія собранія гостей; но его немногіе любили, потому-ли что немногіе охочи узнавать въ начальникѣ хорошую сторону, или потому, что онъ не сотворенъ при-

*) Въ мѣсто зачеркнутого «не любили».

заскать пріятнымъ словомъ и улыбкою. Ежели должно сказать, что онъ во все входилъ и все хотѣлъ знать, то можно сказать, что онъ не меньше хотѣлъ во всему и во всякому придирается. При полученіи имъ бумагъ на утвержденіе по части провіантской, подписавшій оныя провіантскій чиновникъ, на его громкомъ языкѣ, былъ воръ, котораго мало повѣситъ. Очень понятно, что онъ доискивался быть пріателемъ тому только, кто держится чести по правоученію, и вступаетъ въ службу съ чистымъ намѣреніемъ служить. Диогенъ тоже упалъ, когда бѣгалъ со свѣчкою, и его не меньше одобряютъ, вагъ и порочатъ; учись же — это ретивъ — изъ примѣровъ древнихъ и новыхъ *).

Прежде нежели кончу мою исторію, возвращусь ко временамъ губернатора Тарбѣева и Шишкина. Во время губернаторства Тарбѣева, былъ военнымъ губернаторомъ въ обѣихъ БѢлорусскихъ губерніяхъ А. М. Римскій-Корсаковъ. Человѣкъ правосудный, не корыстолюбной, умный, самонаправный, неуступчивый, взыскательный; онъ не любилъ ни отъ кого заимствовать мнѣнія, и слушалъ больше самъ себя. Любилъ хорошихъ женщинъ, и мастеръ былъ ихъ выбирать. Онъ личнымъ своимъ государю императору добладомъ удержалъ Витебскъ губернскимъ городомъ, и тѣмъ величайшую сдѣлалъ пользу гражданамъ и поддержалъ водяную и сухопутную комерцію, противъ сенатскаго мнѣнія, которымъ сенатъ полагалъ быть губернскимъ городомъ Полотеку. Для пребыванія же своего выбралъ Могилевъ, для того, что деревни генераль-майора и кав. Ив. Никол. Римскаго-Корсакова состоятъ при Могилевѣ, въ которыя водворился и военный губернаторъ Римскій-Корсаковъ. Но едва побылъ онъ съ небольшимъ годъ въ БѢлоруссіи, переведенъ въ Вильно военнымъ же губернаторомъ.

Мѣсто его заступилъ И. И. Михельсонъ, человѣкъ вспыльчивой, сердитой, любостязательной, гостепрѣимной, любящій вкусъ и изобиліе на столѣ, и порядокъ вездѣ. При этомъ, имѣлъ онъ двѣ души: былъ очень добръ, и былъ очень золъ. Онъ выбралъ мѣстопробываніе въ Витебскѣ, потому что деревни его были въ Витебской губерніи. Онъ губернатору Шишкину исходатайствовалъ аннинскую ленту, а меня представилъ въ полученію ордена

*) Последнія двѣ строки въ подлинникѣ зачеркнуты.

владимірскаго. Шипшинъ, изъ благодарности, съ нимъ не поладилъ, а я не получилъ ордена, потому что, во всю жизнь и службу, не былъ ни подъ судомъ, ни подъ штрафомъ, ни подъ выговоромъ. На послѣдокъ Михельсону высочайше повелѣно командовать арміею противъ турка, гдѣ онъ, оказавъ удачно свои воинскіе подвиги, скончался; а по смерти возвратился чрезъ Витебскъ во свое имѣніе Иваново, въ закупареномъ гробѣ, для вѣчнаго себя успокоенія, въ построенной имъ тамъ каменной церкви.

О ж о н ч а ш і е .

Безсмертное! . . . непрерывно-умирающее.
 Животворящее! . . . умерщвляющее.
 Безначальное! . . . безконечное.
 Некупленное! . . . дражайшее.
 Непостижимое! . . . всѣмъ извѣстное.
 Неосязаемое! . . . всѣми ощущаемое.
 Неудобозримое! . . . всѣми видимое.
 Недвижущееся! . . . своробѣгущее.

Всегда всесильное!

В Р Е М Е !

Пора уже мнѣ кончить мою исторію. 1810-й годъ есть тотъ, въ которой вѣва моего оканчивается 59-й годъ, въ томъ числѣ, со вступленія въ службу 36-й. Вся моя протекшая жизнь и служба—похожа на участь того пловца, которой, лишь только приближается къ желаемому пристанищу, и — бурная погода отбиваетъ его пави въ море, волнами обуреваемое. Я уже сказалъ, что всеобщая реформа содвинула меня съ седьмого степени на девятый *); теперь, проходя десятолѣтіе совѣтникомъ, теряю дав-

*) Ученой скажетъ: 9 больше, какъ 7. Но въ службѣ, чѣмъ больше—тѣмъ меньше, а чѣмъ меньше—тѣмъ больше. Онъ вѣрно спроситъ: <доказана-ли истина сія закономъ физическимъ, математическимъ, механическимъ?> Доказана табелью о рангахъ. По сему случаю, не могу пропустить одного забавнаго случая, гдѣ штатская служба противъ учености за себя постояла: одинъ учитель народнаго училища написалъ въ прошеніи: <прошу ваше императорское величество, на сіе мое прошеніе рѣшеніе учинить>. Полотское намѣстническое правленіе обратило ему просьбу съ надписью, въ которой сказано:

но, по числу лѣтъ службы, мѣсто предсѣдательское. Теряю, потому что предсѣдатели, вмѣсто прежнихъ опредѣляемыхъ отъ короны, избираются отъ дворянства, изъ помѣщиковъ своей губерніи; слѣдовательно, чтобъ быть предсѣдателемъ, не довольно уже стало одной службы безъ деревень! Но довольно ли однихъ деревень безъ постепеннаго прехожденія службы? Объ этомъ разсуждать не наше дѣло.

Въ настоящемъ времени, предсѣдательское мѣсто для меня уже не награда, когда многіе, съ равныхъ моему мѣстѣ, поступили въ вице-губернаторы. Поступили, ежели по достоинству, то не меньше и потому, что они просили. А по слову бывшаго нашего губернатора Шинкина: «просить нищіе, а благородный человекъ служить». По сему мнѣнію есть надежда, что я вѣкъ мой доживу въ качествѣ благороднаго человека.

Оставалось два года, по закону государя императора, подождать до чина статскаго совѣтника; но, въ прошедшемъ 1809-мъ году, состоялся законъ, запрещающій производить въ статскіе совѣтники тѣхъ, которые служили, не зная двухъ языковъ иностранныхъ и наукъ; а знающій языки и науки долженъ доказать свое знаніе свидѣтельствомъ отъ университета.

Итакъ, служба кончена, и жизнь скончается, хотя еще я и живу и въ службѣ нахожуся. Я старѣ многихъ въ моемъ отечествѣ университетовъ и вѣкомъ *) и службою. Долговременная опытность не обманываетъ меня, что я, для ищущихъ правосудія — пока въ мірѣ семъ продолжится неправда, а для соблюденія по другимъ **) въ государствѣ частямъ порядка, пока въ нихъ продолжаться будутъ замѣшательство и самая монополія, — могу быть полезенъ больше, — вромѣ двухъ моихъ исповѣдей — нежели профессоръ всѣхъ наукъ, который нигуда не посылаетъ ни мѣсячныхъ, ни третнихъ, ни полугодовыхъ, ни го-

«что онъ ошибся въ титулѣ, и чтобъ онъ впредь писалъ: прошу вашего императорскаго величества, о семъ моемъ прошеніи» и проч.... Учитель во вторичной просьбѣ сослался на правила грамматики, доказывалъ падежами, склоненіями, спряженіями, частыми рѣчи и проч., а правленіе въ другой разъ подтверждало ему чрезъ полицію, «чтобъ онъ, въ челобитныхъ, держался предписанной закономъ формы, а не правилъ грамматическихъ». Г. Д.

*) По ученому: возрастомъ, но мнѣ уже безъ мала 40 лѣтъ, какъ я выросъ, и болѣе не расту. Г. Д.

**) Вмѣсто зачеркнутаго въ подлинникѣ: «по многимъ». Ред.

довыхъ вѣдомостей о томъ: какую онъ кому здѣлалъ пользу, кромѣ годовыхъ задачъ, праздностию порожденныхъ *).

Но воля царя земного, какъ воля царя небеснаго, есть благая и совершенная и творенію нижнихъ созданій непостижимая; убо, я долженъ принимать съ благоговѣніемъ и тотъ насущный хлѣбъ, который отпускается въ жалованьѣ на 365 дней. «Всякое даяніе благо», особливо въ такую пору лѣтъ, когда участь смертнаго не подвержена никакому сомнѣнію въ томъ, что рано или поздно, завтра или севодни, «вечеръ или утро, или въ пѣтоглашеніе» ударитъ послѣдній мой часъ и затылокъ мой стукнетъ о гробовую доску! а ежели не стукнетъ, то **)

КОНЕЦЪ ВТОРОЙ ЧАСТИ.

Еще части ***).

Кончен. 1810 г., въ Витебскѣ.

ЧАСТЬ ТРЕТІЯ И ПОСЛѢДНЯЯ ****).

(Въ Витебскѣ).

§ XXXXVI *****).

Отъ 1810-го до 1823 г.

Счастье и бѣдствіе.

Всеблагодарному Провидѣнію угодно было продолжить жизнь мою до 71 года отъ моего рожденія, на которомъ я снова принимаюсь за перо — 1822 г. въ сентябрѣ мѣсяцѣ — для продолженія моихъ предположенныхъ записокъ и съ ними вмѣстѣ исторіи моей жизни.

*) Послѣдняя строка зачеркнута.

Ред.

***) Послѣднія слова въ подлинникѣ зачеркнуты.

Ред.

****) Эти два слова написаны рукою автора посреди страницы и имъ же зачеркнуты.

Ред.

*****) Считаемо необходимымъ замѣтить, что третья часть «Истиннаго Повѣствованія» Добрынина была помѣщена, съ нѣкоторыми сокращеніями и подновленіемъ слога, въ «Виленскомъ Сборникѣ» изд. 1869 г. стр. 39 — 63. Мы и эту часть, какъ и предыдущія дословно печатаемъ съ подлинной рукописи автора, съ сохраненіемъ при этомъ не только текста, но и всѣхъ нерѣдко мелкихъ особенностей правописанія Добрынина.

Ред.

*****) Въ нумераціи главъ авторъ пишетъ однимъ номеромъ меньше, такъ какъ, вѣроятно, по ошибкѣ, у него № § XLIII повторенъ два раза.

Ред.

Въ 1810-мъ году, по всевысочайшему иманному повелѣнію, прибылъ въ Витебскъ, для управленія обѣими бѣлорусскими губерніями, въ достоинствѣ бѣлорусскаго военнаго губернатора, его королевское высочество герцогъ Александръ виртембергскій.

Губернаторъ Сумароковъ далъ для его высочества постепримной, обѣданной великолѣпной столъ, и пригласилъ всѣхъ губернсвихъ чиновниковъ. Мнѣ случилось сѣсть подлѣ адъютанта герцога, г-на Тургенева.

Благородная фамилія Тургеновыхъ извѣстна мнѣ была еще отъ временъ мѣстопробыванія моего въ Сѣвскѣ, при дядѣ моемъ тамошнемъ епископѣ Кириллѣ Фіоринскомъ, по стеченію иногда къ нему, по сану его, дворянства съ визитомъ, таковъ и по временной потомъ моеи бытности въ Москвѣ, въ 1785 году. Онъ занялъ меня враткимъ разговоромъ, и порадовалъ, что его высочество предварень обо мнѣ съ хорошей стороны въ Петербургѣ, особенно же отъ статскаго совѣтника Паглиновскаго. Паглиновскій, Дмитрій Моисеевичъ, знакомъ мнѣ отъ самаго вступленія моего 1777 г. по штатской службѣ, въ пограничный съ Россією бѣлорусскій городъ Рогачевъ, гдѣ обучался онъ въ партикулярномъ пансіонѣ, а потомъ въ Могилевѣ, въ которомъ я служилъ 20 лѣтъ.

Правитель канцеляріи герцога, г-нъ Старинкевичъ, знакомъ мнѣ еще отъ Могилева, и бывалъ у меня съ дѣтства при любомудромъ своемъ отцѣ, шеловскомъ протопопѣ, занявшемъ витійство отъ кievской академіи, и остроумномъ по натурѣ. Качества отца удачно передились и въ сына, которой, сверхъ домашняго и кадетскаго въ шеловскомъ корпусѣ воспитанія, былъ летучаго ума, а потомъ, изъ Петербурга, достался уже къ герцогу въ теперешнюю должность отъ знаменитаго князя Лопухина.

Тургеневъ имѣлъ счастливый смыслъ со нравственностію; послѣ уже я узналъ, что онъ почерпнулъ много для себя полезнаго въ Виттингенскомъ, извѣстномъ въ Европѣ университетѣ. Онъ былъ нѣсколькими годами постарше двадцати-осми-лѣтняго Старинкевича. Сія два мудреца не были мнѣ лиходѣями. Они, при избраніи иногда, кому? что? гдѣ? препоручить, вы-

ставляли меня первымъ его высочеству на шкловскомъ и эттингенскомъ языкѣ.

Его высочество возлагалъ на меня многія комиссіи по Витебску и уѣздамъ, за исполненіе которыхъ былъ мною доволенъ.

Въ началѣ 1812 года, былъ я счастливъ получить, по представленію его высочества, орденъ св. Анны второй степени, при всевысочайшемъ, собственноручно подписанномъ рескриптѣ. Тогда ордена жалованы были очень рѣдко, и я, съ горяча, писалъ къ одному пріятелю, въ Петербургъ, что «теперь уже меня не постигнетъ никакое зло». Въ самомъ дѣлѣ я тогда такъ думалъ и вѣрилъ, забывшись, что никто прежде смерти счастливымъ назваться не можетъ.

Въ одну пору, изъ моихъ домашнихъ рукописей показала я Старинкевичу записку. Она была трактатъ или разсужденіе о беспорядкахъ и злоупотребленіяхъ витебской квартирной комиссіи, которая бѣдныхъ и посредственныхъ гражданъ отягощала постоемъ, отопленіемъ, освѣщеніемъ, и даже прокормленіемъ постояльцевъ; подводами подъ проходящихъ, по требованіямъ городской полиціи. На имущихъ же и значительныхъ гражданъ, хотя положенъ былъ денежный годовой окладъ, но сборъ онаго зависѣлъ отъ произвола, и комиссіи никому вѣрнаго отчета не давала, хотя и велѣно ей давать отчетъ губернатору.

Я, къ перемѣнѣ сего не порядка на порядокъ, сдѣлалъ такое математическое годовое разчисленіе, такое равновѣсіе, что всѣ обитатели города были бы довольны, еслибы оно состоялось. Евклидъ во своихъ выкладкахъ, Невтонъ во своихъ небесныхъ разрядахъ и Неккеръ въ статистикѣ и финансахъ—не могли быть вѣрнѣе; и это такая неоспоримая правда, которую я самъ пишу!

Старинкевичъ, прочитавши мою записку, заложилъ ее подъ паху, и не сказавъ мнѣ ни слова, улетѣлъ, а чрезъ нѣсколько дней получилъ я отъ его высочества предписаніе, 'привести ее въ исполненіе. Такимъ образомъ, попался я въ лапоть; ибо видѣлъ, что скорѣе можно было на досугѣ обдумать и написать, нежели написанное привести во всѣхъ подробностяхъ въ исполненіе, въ такомъ городѣ, въ которомъ слишкомъ двѣ тысячи домовъ не столько достаточныхъ, сколько посредственныхъ, и не столько посредственныхъ, сколько бѣднѣйшихъ; однако-жъ ми-

лость и довѣріе его высочества меня облегчали, и трудъ мой дѣлалъ удобовозможнымъ. Уже я истребовалъ отъ квартирной комиссіи и отъ другихъ мѣстъ, въ подлежащему мнѣ предмету, матеріалы, но неумолимое и непобѣдимое время съ нами не согласилось.

Уроженецъ изъ Корсики—по имени Наполеонъ Бонапарте, по счастью и дѣятельности—императоръ французовъ, по проворному властолюбію—поворитель Германіи, Италіи, Польши, Голландіи, по стеченію обстоятельствъ—увѣнчанный честію и славою быть зятемъ императора нѣмецкаго—приближался уже къ границамъ Бѣлоруссіи, слѣдственно и Россіи.

Недосугъ было думать о нашихъ гражданскихъ занятіяхъ, а надлежало скорѣе схватить на плечи котомку по примѣру троянца Энея, который въ подобномъ случаѣ вынесъ изъ Трои на плечахъ отца своего.

Слѣдующее подъ симъ письмо, писанное отъ меня по изгнаніи уже непріятеля, къ одному пріятелю въ Петербургъ, и напечатанное имъ, безъ воли моея, въ Вѣстникѣ Европы или въ Сынѣ Отечества, съ нѣкоторыми исключеніями, подъ названіемъ: «Отрывокъ изъ записокъ витебскаго жителя», принадлежитъ къ симъ же временамъ и къ моему повѣствованію.

П и с ь м о.

«Слухъ о приближеніи французовъ къ Витебску навелъ страхъ и ужасъ на всѣхъ мирныхъ жителей. Національные россияне начали прежде всѣхъ высылать свое имѣніе изъ домовъ и изъ лавокъ, куда кто могъ, а потомъ и сами удалились. Чиновники, находившіеся въ штатской службѣ, имъ послѣдовали, а нѣкоторые и упредили. Въ короткія средилѣтнія ночи, скрыпъ и стукъ по улицамъ повозокъ, заколачиваніе въ домахъ ящиковъ, вопли и гулы рабочихъ и хозяевъ, наводили на мой томной духъ уныніе, когда я—не имѣя ни сна, ни аппетита—ходилъ по дорожкамъ въ моемъ саду, не зная что думать и что начать, разсуждая, самъ не знаю, встати или нѣтъ, говорилъ я самъ себѣ и каждому: «Я человѣкъ устарѣвшій въ штатской службѣ; сражаться мнѣ ни съ кѣмъ не придется, останусь въ Витебскѣ. Здѣсь у меня домикъ съ садомъ, а за городомъ садъ и огородъ съ постояннымъ домикомъ. Все это совокупно приносить мнѣ

нажитаго въ мой вѣкъ годоваго дохода до 500 р., ктожь для меня, въ замѣну этого, что гдѣ приготовилъ? Лучше остаться здѣсь, нежели бѣжать неизвѣстно куда, неизвѣстно для чего. 35 лѣтъ уже ваю я въ Бѣлоруссiи и проч. Останусь, и буду смѣяться тѣмъ, которые, удалясь изъ Витебска, ко мнѣ возвращаются; ибо, быть не можетъ, чтобы достояніе Россiи досталось языку чуждому, дѣтищу мгновенно-преходящаго случая».

Въ ночи противъ 7-го іюля, стучатся ко мнѣ въ двери.

— «Кто тамъ?»

— «Бумага отъ губернатора».

Читаю: «Въ 10-ть часовъ съ полученія сего, избратся со-вѣтнику Д. и слѣдовать въ городъ Невель, съ дѣлами и архивою своего присутственнаго мѣста».

На разсвѣтѣ, прихожу въ свой департаментъ, и нахожу почти уже все готовымъ и все разрушеннымъ. На столахъ нѣтъ ни суконъ, ни зеркала. На стѣнахъ — ни партрета, ни часовъ, ни зеркала. Внезапное зрѣлище и отъѣздъ поразили меня. Я уже давно страдалъ ревматическимъ въ ногахъ припадкомъ, а въ семь случаевъ, онъ меня тронулъ на подобіе паралича. Какъ-би то-ни-было, онъ тронулъ меня не въ пору, потому что я уже имѣлъ предписаніе. Когда никто изъ канцелярскихъ служащихъ не хотѣлъ со мною для помочи ѣхать, питомецъ мой, г. Кунцевичъ объявилъ желаніе неотставать отъ меня и беречь архивъ.

Собравшись наскоро, коѣхалъ и повезъ на 14-ти подводкахъ дѣла. По дорогѣ и потомъ въ Невлѣ, нашелъ я весь Витебскъ съ подобными транспортами; такъ же: гимназію, семинарію, бѣлое и черное духовенство; а нѣкоторые, выѣхавшіе съ женами и съ грудными дѣтьми, едва имѣли насущные сухари, приправленные горькою судьбою. Все это составило такой унылой ма-серады, на которомъ танцовать никто не охотился.

По прошествіи 4-хъ дней, которые пробылъ я въ Невлѣ, получено изъ Витебска губернаторское предписаніе, чтобы привазъ общ. призрѣнія возвратился въ Витебскъ со всеми бумагами. Изъ сего не трудно было разчесть, что и мнѣ можно еще съѣздить въ Витебскъ, и возвратиться въ Невель при случаѣ нужды.

Я, оставя при архивѣ вышеупомянутаго мною Кунцева-

ча, спѣшили забрать послѣднія изъ Витебска вещи, и видѣть оставленнаго при смерти въ домѣ моемъ друга моего, или уже обнять его могилу. Но, не довѣзая до Витебска 10-ти верстъ, захватили меня, въ домѣ помѣщика Эньки, человекъ съ 30 конныхъ французовъ, часу въ 11-мъ предъ полуднемъ. Прежде всего потребовали они отъ хозяина вина, воды. Насандаливши носы, бросились разбивать, въ глазахъ его, сундуки, шкафы, комоды, бюро; потомъ въ амбары, въ конюшню, въ каретной сарай; взяли лошадей, коляску, которую запрягли и нагрузили всеѣмъ что легче и дороже, съ помощью нашихъ людей, побуждая ихъ къ тому по плечамъ; и мой вучеръ, Малаховъ никогда такъ properly не работалъ. Взяли моихъ лошадей съ упряжью, изъ чемодана побрали бѣлье, бритвы съ приборомъ, столовой на одну персону серебряной приборъ и 1500 р. ассигнаціями.

Прочее все, что было въ чемоданѣ, оставили.

Одинъ изъ побѣдоносцевъ, посмотра на мой орденъ, снялъ его съ шеи и уже ладился спрятать. Тогда у меня потемнѣло въ глазахъ; но начальникъ ихъ, взявъ отъ него, возвратилъ мнѣ. Я, перешедши мгновенно отъ удара въ радость, тутъ не палъ, изъ благодарности, на колѣни предъ великодушнымъ начальникомъ грабительства.

Въ тотъ день случились у хозяина въ гостяхъ сосѣди съ женою и съ малолѣтними дочерьми; у нихъ такъ же отобраны лошади и дрожки, а со всѣхъ насъ сняты сапоги.

Я предполагалъ уйти изъ дому, но они, попеременно, вездѣ разбѣгались верхами, слѣдственно, вездѣ бы я къ нимъ попался въ руки.

Находившійся при мнѣ одиннадцатилѣтній друга моего сынъ, учившійся въ гимназій и слышавшійся отъ разговоровъ, что Франція произвела многихъ великихъ людей, и что она упреждала насъ въ наукахъ, слѣдственно и во нравственности, смотрѣлъ на все безбожно; но, одинъ изъ великихъ во нравственности треснулъ его кулакомъ въ високъ, такъ что онъ ударился другою о край дверного замка, и пробилъ голову. Малолѣтній, ощутивъ кровь, сказалъ мнѣ:

«Не тревожьтесь, мнѣ не больно, только что кровь течетъ».

Я удалилъ его, а самъ сврымся въ темный уголъ каретнаго

сарая, и тамъ, въ полуразломанной каретѣ, просѣдѣлъ до самой ночи, пока они уѣхали.

Всѣ ограбленные и устрашенные, когда я въ нимъ показался, сказали мнѣ, что герои обо мнѣ спрашивали разъ 30. «Гдѣ тотъ баронъ, которой съ вѣрстомъ? Отданъ ли ему крѣсть *)?»

Нѣтъ сомнѣнія, что они въ другой разъ хотѣли его отъ меня взять, и что начальника бы ихъ на ту пору уже не случилось.

Несчастной хозяинъ и помѣщикъ отъ насъ скрылся, а мы, въ числѣ человѣкъ 12-ти съ служителями, препровождали ночь въ овины.

На разсвѣтѣ, по общему совѣту, положено пробраться въ одному изъ несчастныхъ, витебскому гражданину Симоновичу, версты чрезъ три. За неимѣніемъ нигдѣ лошадей, едва я могъ найти въ мою брику быка; а сами всѣ, босикомъ, достигли, при восходѣ солнца, пристанища, состоящаго изъ одной горничьи съ анбаромъ и сарая предъ овиномъ, въ которомъ я скрылся съ брикою моею.

Въ тотъ же еще день посѣтили насъ другіе воины. Мы удалились въ вустарники, въ лѣса и — куда кто умѣлъ; а они забрали у хозяина весь хлѣбъ печеной, одежду, сколько нашли, лошадей, большой и мелкой скотъ, домашнихъ птицъ, верши вездѣ поля и сожгли нѣсколько ульевъ пчелъ. Изъ брики моей взяли, на сей разъ, съ половину оставшихся вещей, состоявшихъ въ одеждѣ; прочее все разломали, разодрали, разбросали и удалились.

По удаленіи ихъ, сказали мнѣ многіе единогласно, что хозяинъ Симоновичъ самъ французамъ указалъ мою брику**). Какъ бы-то ни-было, Симоновичъ, желая спасти себя, совѣтовалъ мнѣ отъ него удалиться, говоря, что брика моя была причиною и его несчастья.

Я, самъ-третьей съ моими людьми, перетащилъ облегченную уже брику чрезъ версту, потому что лошадей ни у кого уже не осталось, и водворился въ стоящую близъ перелѣсковъ повѣть,

*) Они всякаго благороднаго или помѣщика называли барономъ; ограбляя и разоряя все и каждого, они пропасть надѣлали босыхъ бароновъ. Г. Д.

***) Уже спустя три мѣсяца, выдалъ я Симоновича, шедшаго въ Витебскъ въ шинелѣ моего слуги. Г. Д.

принадлежащую крестьянину г-на Энки. Здѣсь дали мнѣ крестьяне, по просьбѣ моей, въ ведрѣ воды, а вмѣсто ковша большую фарфоровую булонную верхнюю чашку, и ободранные уже красного дерева кресла, похищенные изъ господскихъ домовъ. И здѣсь также, не прерывая заведеннаго въ арміи порядка, посылали бриву мою чрезъ пять дней солдаты, иногда пѣшіе, иногда конные, но, не находя въ ней ничего, напоследокъ, ободрали суено и часть кожи и, выбросивъ изъ пуховика и подушки пухъ, наволоки обратили въ казну; а я, въ продолженіи сего, съ присовокупившимися ко мнѣ по сему же несчастному жребію нѣсколькими канцелярскими служителями, при каждомъ приближеніи къ намъ просвѣщеннаго народа, бѣгалъ по лѣсамъ и по болотамъ, и тамъ ночевалъ съ ними. Мой малолѣтній телемакъ, раздѣлая со мною горькую чашу, сказалъ единожды:

«Вотъ попались, къ большому батюшкѣ не доѣхали, а въ Невель возвратиться нельзя».

Не имѣя уже что сберечь, пересталъ я скрываться; но одинъ изъ новонаступившихъ героевъ доказалъ мнѣ практически, что я думалъ погрѣшительно; онъ замахнулся на меня саблею и, показывая мнѣ прусскую сребреную монету, требовалъ таковыхъ же; но видя, что я указываю ему на босыя мои ноги, снялъ съ меня шляпу, панталоны и рубашку.

Не трудно примѣтить, что воинъ сей былъ человекъ съ расчетомъ. Онъ, тотчасъ, смѣтилъ, что ему нужнѣе рубашка и панталоны нежели халатъ; мнѣ же, въ моемъ положеніи, халатъ былъ нужнѣе нежели рубашка и панталоны. На семъ благоразумномъ разсужденіи основалъ онъ свое рѣшительное опредѣленіе, и его исполнилъ.

Оставшись въ одномъ халатѣ, получилъ я отъ моихъ слугъ манишку и холстинные панталоны, а одинъ изъ канцелярскихъ служителей снабдилъ меня шляпою. При семъ случаѣ, вспомнилъ я жребій несчастнаго мексиканскаго государя Монтезумы, въ ногамъ котораго бросились, въ слезахъ, его служители, перекладывать хлопчатую бумагу между его тѣломъ и желѣзомъ, когда безчеловѣчные гишпанцы положили на него оковы. Это меня облегчило; а прекраснѣйшее и наиблагоприятнѣйшее во всѣхъ прозрѣніяхъ — изъ всѣхъ прожитыхъ мною въ Бѣлоруссіи 35-ти — лѣтъ подвергло и сохранило жизнь мою.

Въ продолженіи 6-ти или 7-ми дней, видѣли мы изъ лѣсовъ и кустарниковъ, казъ отряды арміи, разсыпаясь, грабили каждоедневно все то, что могли найти въ помѣщичьихъ и крестьянскихъ домахъ, и разоряли, съ удивительнымъ мужествомъ и храбростію, все то, что съ ними никогда не сражалось.

Подобные герои напали на деревню витебскаго помѣщика Лукомскаго, вскочили въ домъ его, начали ломать, разбивать, грабить, схватили его самого. Юный сынъ бросился защищать несчастнаго отца, отецъ схватилъ сына въ объятія, но выпустилъ изъ объятій уже застрѣленнаго. Такимъ образомъ, убитыхъ въ разныхъ мѣстахъ начали-было привозить въ Витебскъ и ставить на площади подлѣ воскресенской церкви, противъ бернардинскаго влѣштора; но начальство французское запретило ввозъ военнымъ тарифомъ. Ему легче было позволить убийство и грабежъ, нежели видѣть исполненіе позволенія.

Самъ князь N, квартируя въ Витебскѣ въ домѣ доктора Сварацкаго, обнадеживалъ несчастныхъ на польскомъ языкѣ сими словами: «Вы будете разорены, вы будете бѣдны, но будете имѣть свое отечество». Къ сему спасительному увѣщанію надлежало бы дополнить: вы умрете съ голоду, или будете разстрѣлены, но будете имѣть свое отечество.

Какое имя ты, лезь груба, злу дала!
Убийство и грабежъ геройствомъ назвала.

Сумароковъ.

Нужно ли знать чѣмъ я питался?... Мы ходили самъ-другъ или самъ-третей въ ближайшія деревни, доставали за деньги хлѣбъ, крупу, молоко, и въ лѣсу варили кашу, имѣя на 6 человекъ двѣ деревянные ложки, ножи, горшокъ и болѣ ничего. На семь мѣстъ вспомнилъ я аѳинскаго Аристида, и онъ меня утѣшилъ.

Въ артелѣ нашей былъ выше-сказанный одиннадцатилѣтній друга моего сынъ. Онъ, чувствуя зрѣніемъ и вкусомъ недостатокъ пищи, иногда мнѣ повторялъ: «Я ѣсть не хочу, вы только не безпокойтесь». Понимая источникъ его рѣчи, кровь въ жилахъ моихъ останавливалась, и, къ большому въ моихъ горестяхъ несчастію, не могъ я плавать, подобно больному, которой спать не можетъ.

Въ одинъ день пошолъ я, самъ-третей, добывать пищи. На-

хожу въ деревнѣ, принадлежащей нашему губернскому прокурору, полную улицу мужиковъ и женщинъ пьяныхъ, торжествующихъ день расхищенія господскаго съ напитками погреба.

Когда мы вошли въ одному мужику въ сѣни, прося у него и у хозяйки продать намъ хлѣба и молока — женщина поднесла мнѣ стараго венгерскаго вина въ замараной рюмбѣ изъ неполной уже бутылки, при которой былъ изъ бересты ярлычокъ съ надписью 5 \times — знакъ \times значить червонецъ. Мужики требовали, чтобъ я имъ сказалъ, какъ оно называется. Мнѣ разсудилось назвать его имъ дрей-мадера; и они начали повторять, чтобъ не забыть. Добывши отъ женщинъ кувшинъ молока и нѣсколько ломтей хлѣба, испеченаго изъ господской расхищенной муки, лишь только хотѣлъ имъ дать серебряную полтину, какъ одинъ изъ моихъ спутниковъ, вбѣжавши съ улицы въ сѣни, шепнулъ скоропостижно: «Уйдемъ поскорѣе». И только что я показался на улицу, вдругъ закричали мужики: «Это шпионы; намъ надобны хлѣбъ и молоко для французовъ». Одинъ изъ нихъ бросился ко мнѣ съ веревкою, вязать, и схватилъ меня за конецъ рукава моего халата, а другіе бросились ломать изъ плетня коле.

Я, вырвавшись, кинулъ имъ пятирублевую ассигнацію, а самъ пустился въ ретираду форсированнымъ маршемъ; спутники мои дѣлали тоже. Пьяные мужики не могли долго гнаться, можетъ-быть, участвовала въ томъ и пятирублевая ассигнація. Мы скоро вбѣжали въ лѣсъ. Голодъ нашъ былъ больше страха; мы не кинули молока и хлѣба.

Послѣ уже мнѣ сказали, что у нихъ тогда находился французскій офицеръ, и бранилъ ихъ за то, что они бросились меня вязать, и что кричали: намъ надобенъ хлѣбъ и молоко для французовъ. Вѣроятно это былъ полякъ: они, при многихъ случаяхъ, мягкосердечіе другихъ народовъ *). Другой же націи не могъ бы съ нашими мужиками объясняться.

Въ послѣдніе два дни такой жизни, мы услышали, что Наполеонъ уже въ Витебскѣ и что, въ почестъ ему, грабежъ уменьшается. Но это была мечта бѣдствующихъ; ибо грабежъ шель своимъ чередомъ.

*) Любопытно, что въ изданіи «Виденскаго Сборника» слова: «они, при многихъ случаяхъ мягкосердечіе другихъ народовъ» — пропущены и пропускъ не обозначенъ.

Напослѣдоеъ, мы, для перемѣны воздуха и образа жизни, согласились итти въ Витебскъ большою дорогою. Собралось насъ, изъ окрестностей лѣсныхъ и болотныхъ, обоего пола, человѣкъ болѣ тридцати. Женщины, инья съ дѣтьми при грудяхъ, инья вели ихъ въ рукахъ; мушны старыя, среднїе, юныя имъ предшествовали или послѣдовали, кто какъ попалъ, и почти всѣ были босикомъ.

Когда пробирались мы на большую дорогу, атаковали насъ еще пѣшіе герои въ сѣрыхъ шинеляхъ. Вдругъ является изъ за кустовъ конный офицеръ и приказываетъ великодушно пропустить насъ, какъ такихъ неподозрительныхъ людей, у которыхъ взять уже нечего.

Мы, проходя по пути чрезъ домъ г-на Енки, видѣли тамъ множество квартирующихъ и фуражирующихъ, между навоза и собственной нечистоты, какъ жуковъ, французскихъ воиновъ, которые насъ не затрогали. Но въ домѣ уже не видно было ни стеколъ въ окнахъ, ни дверей, ни цѣлой огорожи.

При самомъ входѣ въ Витебскъ разночинцы мои разсѣялись, кому куда Богъ послалъ, а мнѣ встрѣтилась маневрирующая конная гвардія. По всѣмъ улицамъ, которыми я проходилъ, видѣлъ, во всякомъ окнѣ дома, набитыхъ французовъ, и каждой домъ, сарай, повѣти, анбары наполнены были ими же. Никого изъ гражданъ по улицамъ не было видно, кромѣ бѣднѣйшихъ и евреевъ. Лавки и винныя погреба пусты; двери вездѣ отперты, разломаны, стекла побиты, затворы оконъ порасколаны, ине висятъ на одномъ крюку въ діоганаль по окну. Церкви, коścioлы, вляшторы, наполнены были больными, ранеными и всѣми принадлежностями, для нихъ и для лошадей. И Витебскъ казался мнѣ совсѣмъ уже не тотъ, въ которомъ я жилъ и служилъ 15 лѣтъ.

Въ три мѣсяца съ лишкомъ бытности ихъ въ Витебскѣ, не слышно было ни колокола, ни пѣтуха. Первой былъ запрещенъ, а второй былъ съѣденъ.

Бываютъ въ жизни мѣста или пунеты, которыхъ забыть чувствительность никогда не допустить. На Подвинской улицѣ бросился ко мнѣ почти на шею молодой шляхтичъ, всеричавъ на польскомъ языкѣ:

— «Боже? что я вижу? Это нашъ г-нъ совѣтникъ!»

Не кстатѣ мнѣ было спрашивать его кто онъ; но, сколько я ни силился отвѣчать ему знакомствомъ, не больше успѣлъ, какъ только примѣтилъ, что онъ бывалъ иногда въ нашемъ департаментѣ повѣреннымъ отъ нѣкоторыхъ знатнѣйшихъ витебской губерніи помѣщиковъ. Мы обнялись и пролили слезы.

«Вамъ нужно теперь, сказалъ онъ, выпить рюмку вина; вотъ моя квартира у гражданина Лопаты».

Вошедши и поблагодаря за доброхотство при нуждѣ, спросилъ я его: «Вы же о чемъ беспокоитесь?» — «А вотъ моя жена — указывая на прекрасную женщину, лѣтъ 20-ти, лежащую въ постелѣ — она скинула мертваго ребенка, испугавшись отъ набѣжавшихъ въ мою комнату съ саблями побѣдителей».

Онъ далъ мнѣ, по желанію моему, рюмку водки, которая, при діетѣ, разлилась по внутренности моей, вмѣстѣ съ незабвеннымъ и достопочтеннымъ для меня имянемъ, г-на Зборовскаго.

Онъ продалъ мнѣ свою новую шинель, которая и была единственнымъ мнѣ покровомъ, во всю бытность въ Витебскѣ непріятелей. Прокурорша наша приказала шить для меня рубашку. Миръ ея праху!

Тогда у насъ продавался фунтъ печенаго хлѣба на мѣдъ 1 р. 50 к., ведро хлѣбнаго вина 10 р. сер., а рубль былъ серебряной въ 450 копѣекъ мѣдныхъ.

Домой пришелъ я не на радость. Въ немъ квартировалъ генералъ, министръ военной полиціи.

Непростительно мнѣ, что я не припомню его фамиліи; но простительно, потому что я и самъ себя тогда не помнилъ. Впослѣдствіе времени, видѣлъ я, что фивіономія его и обращеніе согласны были со внутренними достоинствами наилучшаго въ немъ человѣка.

Рѣшетки, отдѣляющія садъ отъ подворья, поломаны и разбросаны. вездѣ вокругъ дома и сада проломы. Вездѣ праздношатающіеся служители и солдаты. Садъ обращенъ въ конюшню и пастбище, вездѣ настой и смрадъ. Моя склонная природа къ чистотѣ, порядку и тишинѣ, въ другую бы пору воспикѣла; но, претерпѣвши и потерявши много, я смотрѣлъ уже на все почти равнодушно. Лутче сказать: отъ самой чувствительности я обезчуживѣлъ, окаменѣлъ; особливо тогда, когда друга моего нашелъ я лежащаго въ башнѣ, отчаянно больнымъ, но при здоровой

памяти и разсудкѣ. Я утѣшалъ его тѣмъ, что ежели бы я и все потерялъ, ни мало не огорчусь, только бы онъ выздоровѣлъ — хотя и видѣлъ, къ неизобразимому моему несчастію, что ему не выздоровѣть. Онъ также мнѣ обрадовался, сколько болѣзнь ему позволяла, и сказалъ: что мы еще не совсѣмъ несчастны, когда я васъ вижу. Жена его рассказала, что она, предъ первымъ набѣгомъ на домъ партіи непріятельской, схватила въ замѣшательствѣ и почти въ безпамятствѣ нѣсколько паръ чайныхъ чашекъ, банку липцу и другихъ мелочей, и тысячу рублей ассигнаціями, и зарыла на грядахъ. Но солдаты разсыпавшись, тотчасъ примѣтили копаное свѣжее мѣсто; чашки, банку и другія мелочи разбили, а ассигнаціи унесли съ собою.

На другой день прибытія моего, переводчикъ штата генеральскаго служителю моему сказалъ: «Здѣсь квартира для генерала, а въ нея теперь пришолъ человекъ неизвѣстной; онъ долженъ явиться къ генералу, а не то, у насъ судъ короткой, его разстрѣляютъ». Романъ мой умѣлъ ему отвѣчать, что господинъ его пришелъ домой въ халатѣ, босой, что ему надобно одѣться и обуться, и что за это его разстрѣлять не слѣдуетъ.

Сюртукъ друга моего и сапоги ко мнѣ пришли; я явился къ генералу въ орденѣ.

Орденъ, часы, табакерка и 180 руб. ассигнаціями, спрятаны были въ землѣ, подъ дѣвнымъ камнемъ, при той деревнѣ, гдѣ я скрывался и бѣгалъ. Вѣрной мой Романъ, бывший со мною въ дорогѣ, въ самой еще день прибытія моего въ Витебскъ, убѣждалъ меня послать его за сими вещми. Сколько я съ нимъ ни спорилъ, что надобно повременить, потому что теперь на дорогѣ его ограбятъ; однако-жъ онъ одержалъ верхъ, нашелъ гдѣ-то лошаденку и, на другой день на разсвѣтѣ поѣхавши, привезъ подъ вечеръ все, какъ-будто для того, чтобъ я къ нечистой силѣ явился не безъ креста. Чтобъ почувствовать въ полной мѣрѣ, сколь драгоцѣнна въ такомъ случаѣ вѣрность и расторопность въ слугѣ, надобно быть на моемъ мѣстѣ. Я уже лишился сего вѣрнаго человека. Онъ умеръ. Горе къ горю!

Генераль принялъ меня не грубо; подставилъ самъ стулъ и говорилъ со мною чрезъ переводчика. Я, чтобъ его и себя не затруднить, далъ ему о себѣ краткую записку, кто я? и что со мною при окончаніи пути случилось? и отеланялся.

Послѣ сего, на третій день, онъ потребовалъ меня къ себѣ ввечеру, и принялъ съ прежнею вѣжливостію; спрашивалъ: какъ называется мой орденъ, какой я имѣю чинъ, какъ давно служу. Переводчикъ не пропустилъ спросить, чего стоитъ мой орденъ? Мой отвѣтъ былъ: «39-ти-лѣтней службы». И, тотчасъ обратясь къ генералу, сказалъ ему, что «я имѣлъ счастье на мой орденъ получить, отъ моего государя, рескриптъ».

Онъ угощалъ меня французскимъ виномъ изъ стакановъ моего буфета, и сказалъ:—«Нашъ государь вашему государю другъ; вы, какъ служили одному государю, такъ можете служить и другому; Наполеонъ самъ это подпишетъ на общей бумагѣ, такъ какъ онъ подписалъ въ Варшавѣ и въ Вильнѣ».

Я нашелся бы что ему на это отвѣчать; но какъ участь моя похожа была на Лесажева Жилблаза въ подземельномъ жилищѣ у разбойниковъ, или на волтерова Гурона подъ тремя засовами въ темницѣ, то я, вставъ со стула, благодарилъ его нѣмыми поклономъ, и при томъ сказалъ: «желалъ бы я, чтобъ записка моя, данная позавчера его превосходительству, была переведена». Онъ отвѣчалъ, что она прочитана, и я въ другой разъ ему поклонился и вышелъ.

Онъ простоялъ въ моемъ домѣ отъ прибытія моего дней 13 и всегда, когда я къ нему ни показывался съ визитомъ, просилъ меня или французскимъ виномъ, или французскою водкою. Но, кромѣ визита, входить мнѣ въ мои покои не позволяли. А служители, штатъ его, солдаты, каждадневныя производили въ домѣ требованіи, грабежи; таскали мелочныя остатки и сложенные у меня господъ Коссова, Старинкевича и Зеленьки вещи; обдирали стулья, ломали въ саду деревья. Мои экипажи выброшены были въ садъ, и тамъ, на дождѣ, мовли ободраныя, а ихъ поставлены на мѣсто моихъ.

Въ одинъ день, генералъ, позвавъ меня спрашивалъ: «Чьи это вещи?» указывая на сложеную мебель и ящики. По отвѣтѣ моемъ, онъ велѣлъ записать имена и чины сложившихъ. Потомъ спросилъ: «для чего они сложили у васъ, а не у другого кого?»

— «Они были мои пріятеля».

— «Что въ этихъ ящикахъ?»

— «Не знаю».

Онъ приказалъ ихъ отъупарить, говоря, что имъ, кромѣ на-

питиевъ и сахару, ничто не надобно. Адъютантъ запустилъ руку въ сѣно, коимъ пережладены были въ ящикахъ вещи, и не найдя напитковъ и сахару, сказалъ, чтобъ люди мои заколотили ящики по прежнему. Но когда я, вышедъ, возвратился посмотрѣть скоро ли мои люди управятся, нашель г-на адъютанта занимающагося вновь испытаніемъ ящиковъ. Нѣсколько мелочной столовой фаянсовой посуды выставлено было уже на столъ. Онъ, увидѣвъ меня, казалось посовѣстился, и указавъ на посуду сказалъ: что это имъ не надобно, однако-жъ ящики остались откупареными; а ключи отъ всего отобраны ими были при самомъ еще въѣздѣ въ домъ, и отъ всего хлѣбнаго и другаго столоваго запаса, отъ столовой, чайной, поваренной и буфетной посуды, не осталось въ домѣ ничего.

Наполеонъ каждыйдневно, и почти всегда въ 7-мъ часу по полудни, выѣзжалъ за городъ въ разныя стороны верхомъ. За нимъ слѣдовало всегда конницы до 700 человекъ разныхъ націй. Шествіе замыкали поляки съ значками, трепещущими отъ слабаго дуновенія вѣтра. Я, смотря на это, разсуждалъ самъ съ собою, ибо съ другими разсуждать было опасно: «ежели ему такое количество потребно для показанія величія и славы, то для Витебска слишкомъ много чести, потому что въ немъ знатнѣе меня и доктора Сварацкаго никого нѣтъ; ежели-жъ оно нужно для охраненія его жизни, то участь его незавидна».

Мнѣ очень хотѣлось прочитатъ его физиогномію; но какъ я по природѣ близокъ, и въ 6-ти шагахъ не могу съ перваго взгляда узнавать безъ ошибки человекъ въ лицо, а лорнеты мои съ другими вещми французами похищены, то не грѣхъ побожиться, что я его не видалъ.

По въѣздѣ генерала съ Наполеономъ въ походъ, я посѣщилъ, сколько можно, очистить мои покои и друга моего съ башни перенести въ мой кабинетъ. Вдругъ набѣжала партія солдатъ, разсыпалась по всему дому, и требовала занять всѣ покои. Мнѣ много стоило труда удержать больного въ кабинетѣ, чтобъ его не выбросили. Потомъ выбѣжали изъ дому; явилась другая партія, потомъ третья, и всѣ производили, одна за другою, единообразные свои маневры, разбѣгаясь по покоямъ, по саду, и повсюду. Примѣтно было по ихъ хищнымъ лицамъ и движе-

нимъ, что имъ хотѣлось серебра и золота *); но бѣдные сіи люди не знали, что у насъ не Гішпанія и не Голландія, не Англія, не Перу и не Мексика.

Я, тотчасъ, пошолъ просить коменданта о соблюденіи порядка. Онъ отвѣчалъ чрезъ переводчика, что пришлетъ ко мнѣ жандарма для квартірованія, дабы онъ охранялъ меня и мой домъ отъ набѣговъ и опасностей; однако-жъ это не исполнилось, а между тѣмъ, наскочила еще партія, увела моего чело-вѣка, и я считалъ его уже пропавшимъ; но онъ имѣлъ больше вѣрности и привязанности ко мнѣ, нежели похитившіе его расторопности или охоты, чтобъ его удержать. Онъ возвратился ко мнѣ часа черезъ два; а между тѣмъ, лѣкарь и больной капитанъ, со слугами самъ-шость и съ пятью лошадьми, остано-вились у меня сами собою, заняли весь домъ и поддержали не-чистоту въ совершенномъ и самомъ отвратительномъ степени. На стѣнахъ, между естампами, развѣшивали сырое мясо, отъ долговременности котораго смрадъ наполнялъ покой. На фор-тепіянь ставили вострюлки; отъ утра до утра топили печи, трубы не закрывались, двери и окна не затворялись. Имѣя предъ гла-зами дрова, разбирали заборы, доламывали штакетъ, и въ по-кояхъ рубили на топленіе печей, въ самую лутчую теплую по-году; а вокругъ покоевъ, чрезъ отверстія всегда окна, извер-галась всякая нечистота и, вмѣстѣ съ воздухомъ возвращаясь, служила питаніемъ больному капитану.

Не лишнимъ почитаю, хотъ для примѣра, сказать: какихъ качествъ и познаній людьми, или какою сволочью обогащена была армія великой націи. Въ одинъ день, слышу я трескъ ме-таллической въ томъ покоѣ, въ которомъ лежалъ больной капи-танъ. Севозъ досчатую рѣшетку, раздѣлявшую меня съ нимъ, увидѣлъ я, что онъ вывинтилъ изъ стѣны одинъ изъ бронзовыхъ налѣчничковъ, на которыхъ прежде стояло стѣнное зеркало, и ломаетъ его. На ту пору входитъ къ нему деньщикъ. Капитанъ, показавъ ему свой трудъ, говоритъ: «Это золото». Рыжій день-щикъ, осердясь, что капитанъ его не мастеръ находить золото, схватываетъ изломокъ, бросаетъ его съ размаха на полъ, схва-

*) Передѣлано изъ слѣдующей фразы: «Примѣтно было, что они и сами не знали, что имъ надобно. Вѣрнѣе сказать, что они искали серебра и золота».

тываетъ скоропостижно со стѣны эстампъ и, въ доказательство капитанской ошибки, показывая ему мѣдныя при рамахъ колечки, удостовѣряетъ его, сердясь, что «и это такое же золото». Бывшій тогда при мнѣ малолѣтний питомецъ, г. Томашевскій переревель мнѣ жаркой ихъ споръ, которой довольно показываетъ жадность ихъ и глупость.

Каждый день приносилъ съ собою мнѣ и служащимъ новыя тревоги. Описывать подробно всѣ ихъ злодѣянія потребна была бы цѣлая книга. Многие изъ разоряемыхъ гражданъ просили, искали удовлетворенія у французскихъ начальниковъ; но правосудіе было оказываемо таково, каково бываетъ для притѣсненныхъ, содержащихъ своихъ притѣснителей на развалинахъ собственнаго иждивенія. Вѣроятно, что начальники и не въ силахъ были удовлетворять, потому что приказаній ихъ никто не слушалъ; похоже, какъ будто они, или всѣ были начальники, или всѣ подчиненные.

Между тѣмъ, какъ сіи общія и частныя горести неуменшаются, августа 11-го посѣтилъ меня рокъ такимъ ударомъ, какового со мною, во всѣ прожитыя мною 60 лѣтъ, еще не случилось. Другъ мой скончался на 33-мъ году жизни, оставя жену и малолѣтнихъ дѣтей. Каждодневное ожиданіе смерти его бесильно было ослабить во мнѣ мученье. Ужаснаго во мнѣ дѣйствія скорби, печали, или малодушія, изъяснить перо мое не въ силахъ. Я вижу прекраснѣйшіе нынѣшніе дни, но ими не наслаждаюсь, и, по чувствамъ моимъ, долженъ сказать: что солнце свѣтитъ уже не для меня. Прошелъ мѣсяць послѣ его смерти, а лютая болѣзнь моего сердца все еще на томъ же степені, на какомъ была и въ день смерти его. Можетъ быть, это — по мнѣнію нѣкоторыхъ — и отъ того, что я мало имѣю связи съ обществомъ, въ кругу котораго можно бы разсѣять или уменьшить несносную грусть мою; но это для меня дѣло невозможное; во-первыхъ, потому что у насъ теперь общества нѣтъ; во-вторыхъ, потому что, ежели всякой рожденъ съ собственнымъ темпераментомъ, то и я долженъ сказать, что всякую въ моей жизни горестъ общество мнѣ всегда умножаетъ. Мнѣ пріятно въ немъ быть тогда, когда сердце растворено удовольствіемъ.

Душевныя друга моего качества и способности во всякомъ добру, его предусмотрительность во всякомъ дѣлѣ, экономія, во-

мерція, садоводство, прививаніе оспы, кухня, столярное, фельдшерское, парикмахерское ремесло, салонничество для меня и его, и проч., чему онъ приучалъ и другихъ моихъ людей; порядокъ и чистота въ домѣ и въ горницѣ; вездѣ достигающій его глазъ, дѣятельная рука и драгоцѣнная его ко мнѣ, въ продолженіи 18-ти лѣтъ, дружеская вѣрность и приверженность составляли — могу сказать — сотвореннаго мною друга моего Михайла Яковлевича Двинскаго. Онъ принадлежалъ мнѣ по крѣпости, но душу имѣлъ благородную, и за достоинства мною уволенъ, а магистратомъ принятъ въ гильдію.

Люди нѣжнаго вкуса, называющіе и собачку «мон-веръ, монъ-ами», имѣютъ свои причины сказать: «какъ это низко, называть другомъ человѣка, которой былъ его крѣпостной!» Напротивъ сего, я также имѣю свою причину сказать, что онъ самъ съ себя достоинъ былъ начать свое званіе; многіе, получа оное по наслѣдству, сами на себѣ ованчиваютъ.

Давно уже я укрѣпилъ за него городской мой домъ, а за городомъ землю съ постояннымъ домомъ, и пространнымъ, имъ же самымъ геометрически разбитымъ и садовнически разработаннымъ, садомъ и огородомъ, приносящими, почти вначалѣ своемъ, годоваго дохода до 500 рублей и достаточное для дому годовое земляными плодами продовольствіе. Война все опустошила; а остатки растощили, растощенные витебскіе жители.

Такимъ образомъ, возложъ все на его честность, способность и преданность, ни о чемъ не заботился, какъ только о должности; а послѣ полудни, оставалось время ходить по саду, поджидая, иногда, небольшого кружка избранныхъ пріятелей, когда табельные дни и годовое время позволяли; и ничѣмъ столько не веселился, какъ каждаминутною и на всякомъ шагу сопровождавшею меня мыслию, что я упрочилъ мою маленькую принадлежность достойному и налутчему человѣку, которой погребетъ мои кости. Рановременная его смерть показала мнѣ, что слабый смертный, родившійся въ сей горькой міръ, не властенъ распорядить своимъ жребіемъ. Скоро наступитъ зима, не знаю, переживу-ль я ее. Когда я воображаю о собственной смерти, смерть друга моего облегчаетъ ее; но малолѣтныя его сироты удерживаютъ меня при жизни. Отецъ, потерявшій одного и послѣдняго 12-ти-лѣтнаго сына, былъ, повидимому, въ подобномъ

моему сокрушеніи; изреченіе его, вложенное въ его уста счастливымъ пѣтомъ, или имъ самимъ написанное, прилично и мнѣ:

«Паду какъ бѣдная обитель,

«На столбъ опершая чело.

«На коего, всего рушитель,

«Съ косою время налегло!»

§ XXXXVII.

1812 года. октябрь.

Изгнаніе непріятеля.

Рицари, коихъ въ сіе время въ Витебскѣ оставалось около тысячи человекъ, угрожали, что они, въ наступающую зиму, одѣнутся въ женскіе салоны, которыхъ, по ихъ словамъ, осталось еще на ихъ долю. Однакожъ, они ожидали уже своей участи; и, въ теченіе послѣднихъ трехъ недѣль, трикратно нагружали свои повозки и трикратно выгружали. Часто взлѣзали на крыши домовъ и смотрѣли во всѣ стороны.

26-е число, по утру рано, былъ спасительный день изгнанія ихъ изъ Витебска; грекороссійская здѣсь церковь празднуетъ день сей каждагоднымъ Господу Богу молебствіемъ.

Непріятель въ Витебскѣ раздѣлился на три неравныя произвольныя части; одна выпалила изъ двухъ пушекъ и изъ мелакаго ружья по нѣскольку зарядовъ, съ лѣвой на правую сторону Двины, противъ наступившихъ нашихъ. Другая, разсыпавшись по городу, докапывала спокойно на огородахъ картофель и бураки. Въ тотъ годъ и октябрь былъ столько же хорошъ, какъ августъ. Отъ непріятелей запрещено было хозяевамъ собирать плоды садовые и огородные. Отъ рановременнаго употребленія первыхъ, множество ихъ погибло кровавымъ поносомъ. Свидѣтельствуютъ о томъ каски, оставшіяся отъ нихъ по оврагамъ, а тѣла растощены звѣрыми и собаками.

Третья (часть) тотъ же часъ бросилась въ бѣгство изъ города во всѣ стороны; всѣ они взяты въ полонъ, комендантъ ихъ не далеко отъ города отбѣжалъ. При взятіи его, одинъ изъ нашихъ воиновъ зацѣпилъ за его карманные часы, но столь неповоротливо, что комендантъ успѣлъ обнажить саблю и дать ему смертельную рану, отъ которой непрворной солдатъ черезъ сутки умеръ, какъ будто въ наказаніе за то, что прежде принялся за часы, нежели за комендантскую саблю.

Извѣстно уже и безъ моей повѣсти, что изъ всѣхъ мѣстъ Россіи, начиная отъ Москвы до Германіи, прыгали непріатели балетъ съ променадомъ и, гдѣ прилично было, аплодированы русскими пулями и штыками. Самъ Наполеонъ успѣвши сыграть на свою долю два бенефиса на островахъ Ельбы и св. Елены.

Изъ полмиліона, или — какъ тогдашнее время гласило — изъ миліона регулярной саранчи, Наполеонъ успѣлъ увести съ собою только 40,000. Прочіе всѣ: иные остались въ плѣну, иные потомъ замерзли на снѣгахъ, въ лютую тогдашнюю, какъ будто для нихъ принаровленную и вдругъ наступившую зиму, иные погибли *) отъ голода. Въ семъ послѣднемъ случаѣ — по увѣренію самовидцевъ — подмосковной простой народъ, незнающій тактики и стратагемы, запрашивалъ ихъ въ пространныя избы, снабденныя хлѣбомъ и молокомъ, и, вмѣстѣ съ избами, сожигалъ ихъ споропостижно. Такое вѣроломное гостепрѣимство, въ другомъ случаѣ, раздирало бы нравственную и чувствительную душу; но и въ тогдашнемъ моемъ положеніи, оставалось только удивляться и благоговѣть къ постоянному порядку, существующему непрерывно отъ язычества до христіанства, отъ христіанства до Америкъ, отъ Адама до сего дня; въ чемъ не дадутъ солгать ассиріане, персы, греки, римляне, мавры, моголы, чингисъ-ханъ, аттилы, магомеды, пизарры, кортецы, римскіе понтификаты и самъ Каинъ съ Авелемъ; не говорю уже о народѣ возлюбленномъ, который въ царствованіе Тиверія Кесаря и управленіе Іудеею Пилата, торжественно отозвался: «кровь его на насъ и на чадахъ нашихъ». Московскій же простой народъ въ правѣ былъ думать, что не онъ начинщикъ драки: «На починающаго Богъ» сказано предъ войною въ высочайшемъ манифестѣ. Сказано и исполнилось.

Фридрихъ Великій, въ собственноручной «Исторіи своего времени», сказала, какъ-будто для нашего времени, что «непріатели вступили какъ римляне, а выступили какъ татары».

Губернаторъ Сумароковъ, за нѣсколько времени предъ войною, переведенъ на такую же должность въ Великій Новъ-Градъ.

Всворѣ возвратился въ Витебскъ и г. гражданскій нашъ губернаторъ Лешернъ. Я встрѣтилъ его въ его квартирѣ. Онъ меня сперва не узналъ, потому что парика уже на мнѣ не было.

*) Зачеркнуто: «отъ угара въ бѣлорусскихъ карчмахъ».

Зимою онъ препоручилъ мнѣ сожженіе и зарытіе мертвыхъ непріятельскихъ тѣлъ въ Невлѣ и въ Велижѣ. Въ сихъ двухъ городахъ, въ домахъ и окрестностяхъ, найдено ихъ болѣе тысячи, въ военныхъ мундирахъ. Они, по предписанію, сожжены и зарыты въ пространныя ямы. Народъ оживился упованіемъ и даже почувствовалъ, что онъ весною свободенъ будетъ отъ моровой язвы.

Не долго мы видѣли нашего добраго начальника Лешерна, онъ переведенъ въ Гродно, а должность его, по случаю смерти вице-губернатора г-на Сушки, заступилъ губернский прокуроръ Маньковскій. Я не долженъ пропустить въ молчаніи того, что онъ въ сіе, хотя краткое, но еще смутное и отчетливое время, показалъ себя неусыпнымъ и взыскательнымъ, съ благоразуміемъ, котораго ему по натурѣ не доставало. Къ нему прислана изъ Петербурга складочная отъ сердобольныхъ сердецъ денежная сумма въ пользу разоренныхъ, собранная подъ особеннымъ попеченіемъ и съ пособіемъ всевысочайшей фамиліи, съ помянутымъ росписаніемъ, кому сколько вручить. Я получилъ на мою долю 1500 р. ассигнаціями. Состояніе мое поправилось; и въ то же время прибылъ въ Витебскъ губернаторомъ Петръ Петровичъ Тормасовъ, человекъ свѣтлой, обходительной и снисходительной. Столъ его для всякаго, по приличію, былъ открытъ, и каждой принятъ былъ отверстымъ сердцемъ, а особливо тотъ, кто игралъ въ карты.

Вскорѣ за симъ, былъ я счастливъ получить изъ Петербурга, отъ его королевскаго высочества, герцога Александра Виртембергскаго, благосклонное письмо, извѣщающее о перемѣщеніи меня изъ совѣтниковъ въ прокуроры. Хотя же постъ сей не возвысилъ меня ни жалованьемъ, ни классомъ, но отличное благоволеніе особы, которая по крови не чужая всѣмъ почти европейскимъ престоломъ, радовало меня. Все, казалось, пошло своимъ чередомъ, и мнѣ оставалось только оправдывать милости и не терять, или паче возвысить всеобщее о себѣ хорошее мнѣніе.

Но, не вступивъ еще въ мою должность, я заболѣлъ и, съ октября мѣсяца до новаго 1815 г. не могъ выходить изъ комнаты. Я чахнулъ, слабѣлъ, обезсиливалъ со дня на день, не могъ ни ѣсть, ни спать, и кашлялъ отъ сверботы въ грудяхъ. Многіе полагали, что у меня послѣдній степень чахотки, да я и

самъ былъ бы къ этому мнѣнію близокъ, но у меня грудь и внутренность ни мало не болѣли. Нѣкоторые въ мысль мою вѣрнѣе попадали, что это былъ остатокъ, или послѣдствіе претерпѣнныхъ горестей. Я не принималъ лѣкарствъ и ни жалею; вода, чай, бульонъ, кашпцы и иногда кофій были моимъ безвкуснымъ почти питаніемъ. Я изрѣдка принималъ исландской мохъ и конской щавель. Единжды только г. Тизингаузенъ, полотскій полицмейстеръ, случившійся на ту пору въ Витебскѣ, убѣдилъ меня принять лѣкарство отъ проѣзжавшаго изъ Вильны чрезъ Витебскъ въ Москву знакомаго ему доктора, г. Лебошица, увѣривъ меня, «что докторъ сей и отецъ его извѣстные академики и превосходные врачи. Сей гипократъ — говорилъ онъ — не будетъ томить васъ химическими смѣсями, а дастъ единожды такое лѣкарство, отъ котораго вамъ сдѣлается легче. Я къ вамъ его соглашу, и самъ съ вами пополамъ приму его лѣкарство».

Кто тонетъ, тотъ за бритву хватается; а дружеское отъ сердца предложеніе не есть бритва; оно для меня было небесною музкою, которой я не слыхивалъ.

Г. Лебошицъ осмотрѣлъ меня и далъ лѣкарство. Я часа съ четыре заснулъ спокойно и безъ кашля, чего со мною съ два мѣсяца не бывало. Чрезъ недѣлю, я уже могъ вытти; однакожь кашель и чрезмѣрная слабость не совсѣмъ меня покинули.

Отъ сего времени, я, на 63-мъ году отъ моего рожденія, началъ чувствовать старость.

Въ сіе время возвратился и его высочество, послѣ военной противъ французовъ экспедиціи, изъ Петербурга въ Витебскъ. Я не въ силахъ еще былъ явиться; вскорѣ пришелъ ко мнѣ адъютантъ его высочества, г. Шулепниковъ спросить о здоровьѣ. Его высочество милостивъ былъ сказать чрезъ него, чтобъ я не спѣшилъ выходить.

Надобно-же, по порядку, сказать, кто былъ сей г. Шулепниковъ. Мнѣ не рѣдко такіе попадаютъ, о которыхъ ежели бы я умолчалъ, то лишилъ бы себя наилучшихъ мѣстъ въ моей исторіи. Онъ, по натурѣ, скромной философъ, образованной европейскими языками. Онъ, съ настоящею своею должностію, притащилъ въ Витебскъ и часть своей библіотеки, изъ которой я — потомъ — узналъ, въ первой разъ, что и Англія на своемъ языкѣ имѣетъ энциклопедію. О французской же я внушенъ еще въ младолѣт-

ствѣ моемъ, и могъ тогда же постигать, что она расположена по алфавитному порядку дватцати четырехъ литеръ, и составлена вся — или продолжается — изъ тѣхъ же самыхъ литеръ, безъ которыхъ она не могла бы существовать. Имѣя столь достаточное объ ней понятіе, я остаюсь по нынѣ въ забавномъ на себя подозрѣніи, что она мнѣ какъ-будто столько же знакома, сколько всѣмъ академикамъ, которые ее непереводятъ на нашъ отечественный языкъ.

Я не забылъ, какъ славнаго нашего Сумарокова племянникъ, Павелъ Ивановичъ Сумароковъ, бывши у насъ въ Витебскѣ губернаторомъ и будучи самъ литераторъ и любитель отечественнаго слова, сказалъ единожды: «Отечество наше просвѣщается и имѣетъ къ тому всѣ пособія отъ самодержавной власти, а всего на свой отечественной языкъ не переводить».

На вопросъ мой: «Развѣ-же можно все перевести на нашъ отечественной языкъ?»

Онъ отвѣчалъ: «Это одна энциклопедія, за покупку которой издерживаемъ мы немалую сумму денегъ за границу, а сами не переводимъ. Сословіе учености, можетъ-быть, скажетъ: что, энциклопедію надобно читать въ оригиналѣ, а не въ переводѣ; жалѣю. Нельзя лучше, или слабѣе выдумать отговорки отъ занятія себя полезнымъ трудомъ».

Отбившись отъ настоящей матеріи Шулепниковымъ и его энциклопедіею, возвращаюсь къ моему дѣлу.

Предъ новымъ, 1815-мъ годомъ, могъ я явиться къ его высочеству, милостиво былъ принятъ и вопрошенъ: «кто былъ мой дѣварь?»

Я отвѣчалъ: «Лебошицъ».

— «А! знаю».

Изъ сего могъ я замѣтить, что посланной ко мнѣ Провидѣніемъ Тизингаузенъ, не напрасно мнѣ славилъ сего медика. Его высочество, замѣтя мою слабость, милостиво мнѣ повторилъ, чтобъ я не спѣшилъ выходить; однакожь, вскорѣ послѣ сего, я часто приглашаемъ былъ въ обѣденному столу, который, вмѣстѣ съ куражемъ, былъ мнѣ послѣ болѣзни непротивенъ, и я уже надѣялся скоро сказать о себѣ такъ же, какъ, въ подобномъ случаѣ, сказалъ о себѣ въ Лесажевомъ романсѣ Жилблазъ, что онъ

«съ рожи сталъ похожъ на бернардинскаго монаха». Но надежда — цыганка.

Въ одинъ день, когда я шелъ къ обѣду отъ моего жилища, которое разстояніемъ не болѣе ста шаговъ отъ обитанія герцога, вдругъ заревѣлъ преужасной бурной вѣтеръ, или сухопутной орканъ, и понесъ меня какъ перо. Человѣкъ, бывшій за мною, не могъ мнѣ дать помочи. Я старался упасть на землю, но жестокая буря, шпага и гололедица не допускали меня. Я цѣлился попасть на какой-нибудь опоръ, но площадь и потомъ улица не имѣли поперечныхъ для меня преградъ; и послѣдняя оканчивалась низкою пропастью или оврагомъ къ рѣкѣ Видьбѣ, куда меня несла буря. Къ счастью моему встрѣтился полотскій еврей, находившійся въ Витебскѣ по своимъ дѣламъ, именно Буклинскій. Онъ подхватилъ меня, взвалилъ на свои санишки и привезъ ко мнѣ домой. Некогда было думать о обѣдѣ. Отъ испуга и движенія, открылась у меня горлою кровь. Все къ лучшему; послѣ крови, мнѣ здѣлалось легче. Я раздѣлся. Ко мнѣ вошелъ адъютантъ его высочества Александръ Ивановичъ Козминъ, по дошедшей полицейской рапортиціи, что губернскаго прокурора чуть-было не вздернуло живого на небо, какъ праотца Еноха, или не сбросило съ утесистой горы, какъ съ Тарпейскаго камня, на Витьбу. И хотя я въ силахъ уже былъ посмѣяться съ Козминымъ на счетъ моего приключенія, однакожъ, за всѣмъ тѣмъ, имѣлъ необходимость посидѣть еще съ недѣлю дома.

Благосклонность и довѣренность ко мнѣ герцога продолжались постоянно; а въ 1817 году, нашлись при герцогѣ люди, которыхъ зависть давно уже обижалась. Я почувствовалъ неблаговоленіе, и лишенъ довѣрія и столовъ. Тургенева и Старинкевича тогда уже не было, да и нейтральной по натурѣ Шулепнивовъ скоро отдѣлился въ Петербургъ. Я остался съ однимъ моимъ языкомъ, на которомъ изъясниться не могъ, да и не зналъ въ чемъ изъясняться. Нечего было дѣлать. Надежало повиноваться времени. Я принялъ жизнь уединенную, и нигдѣ уже не показывался, кромѣ присутственныхъ по должности мѣстъ, къ чему согласенъ былъ и мой *) седьмой десятокъ лѣтъ.

*) Въѣсто зачеркнутого: «чего отъ меня требовали не меньше политика какъ и».

По 1822 годъ, положеніе мое было единообразно. Тихая, но терзающая меня жизнь была для меня не лестна. Въ теченіе сего времени находившійся при его высочествѣ армейской полковникъ, г. Шубинъ, ознаменованный орденами, знакомой съ иностранными языками, съ горною наукою, рожденный съ добрымъ сердцемъ и съ твердостью духа, слѣдственно не простой фрунтовой **) воинъ, принялъ меня прежде въ свое знакомство, а потомъ даже во уваженіе, котораго, однакожь, я по сю пору, по всей справедливости принять на себя не смѣю. Я нерѣдко у него бывалъ и—какъ водится—обѣдывалъ. Новобрачная его супруга, изъ знатнаго російскаго дворянскаго рода, принимала меня привѣтливо. Они, замѣтя во мнѣ, что я человѣкъ не безъ способности отгрызаться, давали иногда мнѣ счолчки на счетъ моей молодости. Мало-по-малу, связь сдѣлалась дружескою, а отсутствіе его высочества со всею фамиліею, по высочайшему доволенію, изъ Витебска въ Германію, давало къ тому свободу.

По возвратѣ въ Витебскъ изъ вышесказаннаго путешествія, его высочество не проронилъ сказать г-ну Шубину: «а я знаю вашихъ пріятелей». И наименовалъ меня.

— «Да знаете-ль вы его?» отвѣчалъ г. Шубинъ, скорымъ вопросомъ, съ вольностью французскаго языка.

— «Какъ же! знаю».

— «Нѣтъ».

— «Что-жь вы въ немъ находите?»

— «Я въ немъ нахожу человѣка съ хорошимъ и чувствительнымъ сердцемъ, со смысломъ и изъясненіемъ лаконическимъ и критическимъ. Нѣтъ, ужъ воля ваша—заклучилъ г. Шубинъ—я этого человѣка не кину».

Самъ г. В. остался бы въ нерѣшимости, кому изъ нихъ ближе принадлежитъ, опредѣленной въ одномъ его сочиненіи въ награду за героическія достоинства, золотой кубокъ: тому ли, кто осмѣлился одобрять впадшаго въ немилость, или тому, кто смѣлаго одобренія не почелъ за оскорбительную дерзость?

Для меня они оба хороши. Пусть только не погнѣваются на золотой кубокъ, у меня его нѣтъ.

Диверсія полковника похожа была на нападеніе въ распахъ. Неблаговоленіе уничтожилось.

*) Въмѣсто зачеркнутаго: «храбрый».

Вскорѣ, изъ того же путешествія возвратилась въ Витебскъ и ея королевское высочество герцогиня. Малая наша публика явилась въ дозволенную пору съ повлономъ. Это было уже при свѣчахъ. Я сталъ позади нѣсколькихъ, для того, чтобъ не быть напередѣ. Дщерь ихъ высочествъ, принцесса Антонета Фридерика, проходя по комнатѣ тихимъ шагомъ, подходила къ тому мѣсту, гдѣ я стоялъ; всѣ посторонились, и я здѣлалъ движеніе въ сторону; но ея высочество, приостановясь, изволила мнѣ на російскомъ языкѣ сказать: «я васъ узнала».

— «Счастіемъ почитаю».

— «Каково ваше здоровье?»

— «Пора умирать, мнѣ уже семидесятой годъ».

— «Лицо ваше не показываетъ этого. Будьте здоровы, я васъ узнала», повторила ея высочество.

Всѣмъ примѣтна была сія отличность; а питомецъ Марса и Минервы, г. Шубинъ, въ полголоса, на французскомъ, дополнилъ: «ваше высочество старца-та оживили».

Я въ самомъ дѣлѣ почувствовалъ оживленіе; жалѣлъ только, что не собрался съ отвѣтомъ; а можетъ быть это и къ лучшему. Не рѣдко бываетъ, что желающіе дать хорошій видъ своему дѣлу сами его портятъ, ежели слишкомъ заврутса.

Стихотворцы, въ подобномъ моему восторгѣ, сдернули бы съ Парнасса и Олимпа всѣхъ боговъ, богинь и всѣхъ музъ, заняли бы ими цѣлыя страницы, и отдали бы въ типографію г. Греча; но я довольствуюсь только тѣмъ ощущеніемъ, что во весь мой вѣкъ ничего драгоцѣннѣе не слыхивалъ.

Вскорѣ ея высочество герцогиня изволила отѣхать въ Петербургъ; а за сямъ и самъ герцогъ, по высочайшему именному повелѣнію, отправился туда же, для принятія главнаго управленія по водяной коммуникаціи, съ увольненіемъ отъ управленія бѣлорусскими губерніями.

Не задолго предъ отѣздомъ своимъ, его высочество за обѣденнымъ — партикулярнымъ уже — столомъ, изволилъ спросить: «знаетъ ли прокуроръ, что я представилъ его къ награжденію бриліантовымъ орденомъ?»

— Знаетъ, отвѣчалъ нашъ вице-губернаторъ, второй тогда же еще отъ меня о семъ узналъ, когда правитель канце-

ляри герцогской, г. Борейша сообщилъ мнѣ, въ подлинникѣ, для прочтенія, подписанное уже отношеніе къ министру юстиціи.

А при самомъ выѣздѣ въ Петербургъ, его высочество, подзававъ меня изъ среды пришедшихъ на отъѣздной поклонъ, далъ мнѣ руку и сказалъ: «будьте спокойны, берегите свое здоровье, а я, по новой моей обязанности, надѣюсь и еще посѣтить Витебскъ». Благодарность моя была въ краткомъ словѣ, и поклонѣ, и въ глубочайшихъ сердца чувствованіяхъ.

Теперь его высочество находится въ своей сферѣ, а мнѣ 28-е число марта рѣшило, чтобъ я былъ обрадованъ полученіемъ, при высочайшей граматѣ, бриліантоваго ордена св. Анны второй степени.

Слѣдственно, мнѣ теперь остается ожидать, одного только деревяннаго креста на могилу, которую я завѣщаль загладить такъ, чтобъ видовъ ея не оставалось.

Апрѣля 28 д. 1823 г.

КОНЕЦЪ ТРЕТЬЕЙ И ПОСЛѢДНЕЙ ЧАСТИ.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I.

Окончивъ печатаніе «Истиннаго повѣствованія» Гавріила Добрынина мы считаемъ необходимымъ связать нѣсколько словъ о рукописяхъ, съ которыхъ исполнено наше изданіе.

Года два тому назадъ Иванъ Петровичъ Корниловъ указалъ намъ на значеніе и интересъ записокъ Добрынина и посоветовалъ озаботиться ихъ приобретеніемъ для «Русской Старины». До тѣхъ поръ мы были знакомы съ «Истиннымъ повѣствованіемъ» по небольшимъ и довольно блѣднымъ отрывкамъ, сдѣланнымъ изъ нихъ въ «Виленскомъ Сборникѣ» 1869 года. Мы поспѣшили, розыскать рукопись записокъ: то была однако, къ величайшему сожалѣнію копія, которую мы и приобрѣли отъ Л. Н. Антропова.

Войдя, затѣмъ, въ сношенія съ Алексѣемъ Петровичемъ Стороженко, владельцемъ подлинника записокъ, мы узнали, что автографъ «Повѣствованія» Добрынина ходитъ по рукамъ въ Вильнѣ; но гдѣ и у кого? — предоставлено было намъ самимъ розыскать, причемъ, въ случаѣ успѣха — А. П. далъ намъ право воспользоваться находкой.

Долго наши поиски были безуспѣшны. Потерявъ наконецъ надежду получить подлинникъ, мы нашли въ вынужденными приступить къ изданію «Истиннаго повѣствованія»—съ копій и уже напечатали изъ нея безъ малаго XXII §§ («Русская Старина» т. III, стр. 121—160; 247—271; 395—409). Между тѣмъ, поиски продолжались и наконецъ, при весьма обязательномъ посредствѣ П. А. Муханова и нянѣ покойной Екатерины Васильевны Потаповой, подлинная рукопись Добрынина поступила въ распоряженіе «Русской Старины».

Само собой разумѣется, что печатаніе съ копій, тотчасъ, было остановлено, а продолжалось до самаго конца (§§ XXII по XLVIII включительно) непосредственно съ подлинника. При сліченіи, затѣмъ, напечатаннаго уже до присылки подлинника съ симъ послѣднимъ въ копіи оказались слѣдующія разности:

Томъ III-й, стр. 122, строка 6 снизу, напеч. «Сыновъ (?)»... чит. «Лыковъ»...

Стр. 123, строка 14 сверху, напеч. § II. «Переселеніе къ дѣду»... чит. «Вступленіе въ науку».

Стр. 124, строка 8 сверху, напеч. «отжить»... чит. «ощутить»... 3 снизу, напеч. «противосильственнымъ»... чит. «противоестественнымъ».

Стр. 125, строка 18 сверху, напеч. «жилья»... чит. «желья»... строка 20 сверху, напеч. «эту»... чит. «ему»...

Стр. 126, строка 16 снизу, напеч. «Высокой»... чит. «Высоцкой»...

— 127, — 10 сверху, напеч. «Вареоломедъ»... чит. «ключника Вареоломея»...

Стр. 128, строка 19, снизу, напеч. «заговоры, въ которыхъ»... чит. «заговоры, съ которыми они, по моему дѣтству, отъ меня не скрывались»...

Стр. 132, строка 6 снизу, напеч. «неуремѣнно»... чит. «непримѣтно»...

— 133, — 7 сверху, напеч. «Яловъ»... чит. «Яловъ»...

— 134, — 11 снизу, напеч. «мы не знаемъ»... чит. «ты не знаешь»... строка 9 снизу, напеч. «партесу нотъ»... чит. «партесу-нота»...

Стр. 135, строка 3 сверху, въ подлинникѣ съ боку позднѣйшая приписка автора: «Андрей Михайловичъ Любимичъ изъ Лихачева, въ Нѣжин. повѣтъ»; строка 12 сверху, напеч. «прозвали меня»... чит. «прозвали меня въ насмѣшку»...

Стр. 137, строка 7 сверху, напеч. «поощренію»... чит. «виозщренію»... строка 2 снизу, напеч. «пріють»... чит. «пріятное убѣжище»...

Стр. 138, строка 15 снизу, послѣ словъ: «раздается по церкви вой»... читай; «Мое — рожденное къ живѣйшимъ чувствованіямъ — сердце, въ неизобразимой какой-то унылости, пѣло мнѣ точно такъ: «дѣла-дѣла человѣческія! На что вы похожи? Еслии созданіе подобныхъ храмовъ есть жертва благоугодна Всевышнему,—то для чего же сей храмъ не конченъ? Если же не благоугодна, то для чего же онъ и начать? И какое различіе въ дѣваніяхъ человѣческихъ съ дѣваніями муравья, наука, пчелы, [кон также—какъ и человѣческія—подвержены недокончаніямъ и разрушеніямъ]?—Философствуя тако, обращался накі къ моему предмету и вопрошалъ: «гдѣ ты»... и проч.

Стр. 138, строки 13 и 1 снизу, напеч. «князь Тимоеой»... чит. «князь Матвій»...; строка 8 снизу, послѣ словъ: «помянетъ Господь Богъ»... въ подлин. примѣчаніе: «Такъ размышлялъ я въ 15-ть лѣтъ; такъ чувствовалъ и размышлялъ—въ 10-ть лѣтъ. Видно, что чувствительность во мнѣ, съ наклоннымъ къ меланхолии нравомъ, открылись рано».

Стр. 139, строка 18 снизу, напеч. «такой добрый»... чит. «малой доброй»...;

строка 10 снизу, напеч. «грамотъ»... чит. «печатныхъ грамотъ»...; строка 8 снизу, напеч. «моего званія»... чит. «того званія»... Въ концѣ § VII-го въ подлинникѣ находятся слѣдующія строки: «Симъ отличіемъ имѣлъ я причину быть довольнымъ; къ тому же цвѣтущій вѣкъ, при свободѣ и вольности, натурально многого не желалъ, и никакими дальновидностями или предвѣдѣніями,—часто пустыми, однако-жъ свойственными людямъ вошедшимъ въ зрѣлый возрастъ,—меня не беспокоилъ»...

Стр. 142, строка 20 снизу, напеч. «не постигали»... чит. «не достигали»...

Стр. 143, строка 12 сверху, напеч. «разсужденіе»... чит. «рожденіе»...

Стр. 144, строка 12 снизу, напеч. «погоды»... чит. «пріятной среди-гвѣтней погоды»...; строк. 1 снизу, напеч. «о проклятіи»... чит. «о проклятіи Мазепы, приостановилса при церкви и съ печальнымъ видомъ и проч.

Стр. 147, строка 14 снизу, напеч. «цѣлительныхъ плетей» вмѣсто зачеркн. въ подлинникѣ: «чудотворныхъ плетей»...

Стр. 148, строка 12 снизу, послѣ словъ «мое тогдашнее понятіе»... въ подлинникѣ зачеркнуто: «чуждо было любопытства, отвергаемаго вѣрою и одобряемаго чистымъ смысломъ»...

Стр. 153, строка 18 сверху, къ слову «сгнода» въ подлинникѣ примѣчаніе: «Испиломъ безъ хвоста въ «сгнодѣ» значить ѣ или нашу старинную г, дабы чрезъ нея дать знать что «сгнодъ» есть слово греческое»...; строка 7 снизу, напеч. «и раскольникамъ не покровительствовать»... чит. «и раскольниковъ не покровительствовать»; далѣе въ подл. зачеркн: «и бороду обрить, которую онъ, по силѣ правилъ старой вѣры, выросилъ не меньше архіерейской».

Стр. 157, строка 6 снизу, напеч. «періодъ именинъ»... чит. «плодъ именинъ»....

Стр. 159, строка 11 сверху, напеч. «облирукціи»... чит. «обстирукціи»...; строка 5 снизу, напеч. «возвѣщеніе»... чит. «возвращеніе»...

Стр. 250, строка 2 сверху, напеч. «такой надежной»... чит. «малой надежной»...; строка 11 сверху, напеч. «какъ дозволенію»... чит. «какъ мовитъ пуклямъ и дозволенію»...; строка 17 сверху, напеч. «въ проходной»... чит. «въ походной»...

Стр. 251, строка 1 сверху, «двадцатилѣтній»... вмѣсто зачеркнутого въ подлинникѣ: «восемнадцатилѣтній»...

Стр. 252, строка 25 сверху, «мужествомъ», вмѣсто зачеркнутого въ подлинникѣ: «съ такою бодростью»...

Стр. 255, прим. строка 3 сверху, нап. «епископомъ»... чит. «епископомъ смоленскимъ»...

Стр. 257, строка 9 сверху, «эпоха»... вмѣсто зачеркнутого въ подлинникѣ: «перемѣна»... напеч. «начать»... чит. «начать параграфомъ»...

Стр. 259, строка 3 снизу, напеч. «работъ»... чит. «работъ: каналы рить, землю планировать»...

Стр. 260, строки 3 и 4 сверху, нап. «такъ какъ я оставалса дома, то мнѣ одному»... чит. «оставаясь, мнѣ одному»...; строка 8 сверху, «видя»... вмѣсто зачеркнутого въ подлинникѣ: «примѣта»...; строка 14 снизу, нап. «увѣряютъ насъ»... чит. «говорять тѣ»...; строка 8 снизу, «поставить меня на педесталь»... вмѣсто зачеркнутого въ подлинникѣ: «избавить меня отъ должности»...

Стр. 261, строка 4 сверху, напеч. «жаловаль»... чит. «хаживаль»...; строка 5 сверху, напеч. «ярому»... чит. «яркому»...

Стр. 263, строка 6 сверху, напеч. «плавающихъ»... чит. «плежущихъ»...; строка 20 сверху, послѣ слова: «пастырю»... въ подлинникѣ зачеркнуто: «сумасшедшему»...

Стр. 264, стр. 2 сверху, «и служительницъ» вмѣсто зачеркнутого въ подлинникѣ «и другого рода служительницъ»...; строка 6 сверху «ни пылинки»... вмѣсто зачеркнутого въ подлинникѣ «ниже искры»...

Стр. 265, строка 10 снизу, прим. напеч. «Г. Д.» чит. «Ред.»; строка 8 снизу, напеч. «Трипольскій»... чит. «Трипольскій. Учитель»... Тамъ же напеч. «учитель семинаріи Сидорскій» чит. «семинаріи Садорскій»; строка 7 снизу напеч. «Рудаковскій» чит. «Рудановскій».

Стр. 266, строка 17 сверху, послѣ слова «заразы», въ подлинникѣ зачеркнуто: «оставя пастѣй своей умереть безъ него въ заразы и»...

Стр. 267, строка 3 сверху, напеч. «пѣвцы» чит. «пѣвицы»...; строка 11 сверху, напеч. «сіе было»... чит. «сіе—по академически картина—было»...

Стр. 268, строка 8 сверху, напеч. «росситъ»... чит. «россамъ»...; строка 16 снизу, напеч. «благоты тако»: чит. «благаты»; строка 17 снизу, напеч. «забываты»... читай: «забуваты»!

Стр. 269, строка 1 сверху, напеч. «благословенія и посѣщенія».. чит. «посѣщенія»; строка 4 сверху, напеч. «вѣдомой» чит. «видалой»; строка 17 сверху, напеч. «словесности»; чит. «словеснымъ наукамъ»; строка 10 снизу, напеч. «поименовалъ», чит. «поименовалъ намъ»; строка 1 снизу, напеч. «лишнимъ у меня»... чит. «лишкомъ у меня изъ рукъ».

Стр. 270, строка 1 сверху, напеч. «поднось изъ рукъ»... чит. «поднось»...; строка 19 сверху, послѣ слова: «свѣдущъ»... въ подлинникѣ зачеркнута: «Таковъ онъ былъ и тогда, когда ему было шестьдесятъ лѣтъ. Мы съ социальнымъ соглашались съ Левицинымъ въ томъ, что велѣла ему исправиться, будучи на степенн великаго начальства, если онъ, въ молодости, въ бѣдности и въ подчиненности былъ таковъ же»...; строка 20 сверху, напеч. «пополнилъ», чит. «наполнилъ»; строка 23 сверху, напеч. «метафизику», чит. «метафизику, астрологию»...; строка 1 снизу, напеч. «духовенство могло бы произвести»... чит. «духовенство произвело бы»...

Стр. 271, строка 1 сверху, напеч. «казни», чит. «казни»; строка 14 сверху, послѣ словъ, «удержать ее», въ подлинникѣ зачеркнуто: «Ежели все къ чему-нибудь годится, то сей куплетъ хорошъ для образца, какъ должно соединять исторію съ навигаціею и землетрясеніемъ»; строка 16 сверху, напеч. «не кстати»... вмѣсто зачеркнутого въ подлинникѣ: «не понятна загадка»; строка 11 снизу, напеч. «тонъ»... чит. «тонъ»...

Стр. 395, строка 7 снизу, напеч. «сихъ должно было»... чит. «симъ дошло»; строка 4 снизу, напеч. «снова»... чит. «повторилъ снова»; строка 1 снизу прим. напеч. «было 18 лѣтъ»... чит. «тогда былъ 16-й годъ»...

Стр. 396, строка 18 сверху, напеч. «сносѣе»... чит. «союзѣе»...; строка 23, напеч. «нигль»... чит. «нигью»; строка 1 снизу, напеч. «позволяютъ»... чит. «присвоивать»...

Стр. 397, строка 1 сверху, напеч. «худо чувствовалъ»... чит. «худо, мнѣ эта политическая логика тогда была незнакома; напротивъ чувствовалъ»...

Стр. 398, строка 13 сверху, напеч. «чихая»... чит. «чмыхая»...

Стр. 399, стр. 5 снизу, напеч. «благородный»... чит. «благодарной»...; строка 1 снизу, напеч. «а до»... чит. «Садорскаго, съ»...

Стр. 400, строка 9 снизу, напеч. «прежней»... чит. «присяжной»...

Стр. 401, строка 18 сверху, послѣ слова: «простодушiя» въ подлинникѣ зачеркнуто: «на счетъ погубленiя меня. Но для чего онъ опасался и само-го, подобно какъ тѣ воры, которые, воруя вмѣстѣ, истребляютъ слабѣйшаго, для полученiя по немъ наслѣдства или для сокрытiя своего злодѣянiя».

Стр. 402, строка 6 снизу, напеч. «всякой»... чит. «влой»...

Стр. 405, строка 13 снизу, напеч. «Морбаху»... чит. «Модраху».

Стр. 406, строка 13 сверху, напеч. «архiерейскiе»... чит. «аллигорическiе»...

Стр. 407, строка 8 снизу, напеч. «Написанныя на вратахъ твоихъ лица»... чит. «Написанныя на вратахъ твоей ограды лица»; строка 5 снизу, напеч. «ключевую»... чит. «крыничную»...

Стр. 408, строка 3 снизу, напеч. «постриженiями»... чит. «постриженцами».

— 412, — 20 сверху, напеч. «по усугубленiю»... чит. «Къ усугубленiю»...

Стр. 414, строка 7 сверху, напеч. «по эту»... чит. «на эту»...; строка 9 и 10 сверху, напеч. «въ кушаньяхъ»... чит. «кушаньемъ»...; строка 18 сверху, послѣ словъ: «На завтрѣ увѣдомилъ я преосвященнаго обо всемъ», чит. «какъ надлежитъ историографу»...

Стр. 415, строки 1 и 2 сверху, напеч. «только многочисленные въ разныхъ углахъ дома похвальныя о себѣ разговоры»... чит. «многочисленныя о себѣ во всѣхъ углахъ разговоры»...; строка 15 сверху, напеч. «гдѣ 30-ти» чит. «гдѣ съ небольшимъ 30-ти»; строка 18 сверху, напеч. «паричокъ» чит. «куцый паричокъ»; строки 1 и 2 снизу напеч. «... а дворянами», а до сихъ поръ ихъ называли»... чит. «и российскими дворянами, а до тѣхъ поръ называли ихъ»...

Стр. 416, строка 10 сверху, напеч. «имѣлъ»... чит. «тѣмъ»...; строка 18 сверху, напеч. «пуншу»... чит. «вина, пуншу»...

Стр. 417, съ 13-й строки сверху, до новой строки слѣдуетъ чит. такъ: «Лишь только я показался въ дверь, какъ поразилъ меня неприятный запахъ. Со всевозможною скоростiю, сказалъ онъ мнѣ, сидя въ постели: «не впускай никого». О проклятое англiйское пиво, — подумалъ я въ сердцахъ, — надѣлало ты намъ хлопотъ полонъ нось! По счастiю преосвященный не сдѣлалъ штановъ. Но что я говорю: по счастью! Какое тутъ счастье, если она всѣ были непорожни? Вслѣдствiе чего я разставилъ караульныя съ такою бо-спѣшностью, какой требовала важность приключенiя, съ запрещенiемъ впу-щенiя въ нашу комнату каковаго бы то чина и званiя кто ни былъ. А между тѣмъ съ перемѣною штановъ и съ помощью таза, воды, утиральниковъ, душистаго спирта и куренiя, кончили все съ желаемымъ успѣхомъ».

Стр. 418, строка 14 сверху, напеч. «огромный»... чит. «надгробный»...

— 420, строки 4 и 5 сверху, напеч. «въ такомъ забавномъ и непринужденномъ видѣ, какъ нельзя лучше»... чит. «въ такомъ смѣшномъ и непринужденномъ видѣ, что ни архiепископъ Платонъ — на каедрѣ, ни господа Дмитревскiй — на театрѣ — не могли лучше отправить своихъ должностей»... Въ строкѣ 19 слова «штатскихъ дворянъ», слѣдуетъ исключить...; строка 7, снизу, напеч. «аплодировалъ» чит. «захохоталъ, аплодировалъ»...

II.

Подлинная рукопись записокъ Добрынина, съ которой печатались они начинающая съ § XXIII до конца, т.-е. до § XLVIII включительно («Русская Старина» т. III стр. 416—420; 562—604; 651—672; т. IV стр. 1—39; 97—153; 177—

222; 305 — 346, состоитъ изъ двухъ переплетенныхъ тетрадей, въ листъ. Писаны записки крупнымъ, четкимъ, весьма своеобразнымъ почеркомъ Добрынина. Бумага синяя, но нѣкоторые листы сѣрые и видно, что эти послѣдніе явились взамѣнъ прежде написанныхъ и уничтоженныхъ самимъ авторомъ. Дѣло въ томъ, что Добрынинъ принялся за начертаніе своей автобіографіи, какъ онъ самъ говоритъ («Русская Старина» т. III, стр. 123) въ 1787 году, на 35-мъ году отъ рожденія, т.-е. въ первый періодъ пребыванія на службѣ въ Бѣлорусіи; третью же часть написалъ — на восьмомъ десяткѣ. Это обстоятельство важно для того, чтобы понять, какъ явились тѣ поправки, которыя довольно часто пестрятъ страницы «Истиннаго повѣствованія». Конечно, авторъ, тщательно отдѣливая свой рассказъ, мѣстами исправлялъ слогъ, но большая часть его поправокъ составляютъ нечто иное, какъ смягченія тѣхъ отдѣльныхъ словъ и цѣлыхъ подробностей, которыя тридцать лѣтъ по первоначальному ихъ написанію, показались Добрынину рѣзкими. Есть основаніе думать, что поправки въ первыхъ двухъ частяхъ сдѣланы авторомъ въ 1818 г. Вообще же всѣ таковыя исправленія оговорены въ нашемъ изданіи, причемъ въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ возстановлены и первоначальный текстъ подлинника.

Независимо отъ этого мы во многихъ словахъ придерживались правописанія подлинника. Какъ человѣкъ остроумный, начитанный и по своему времени довольно образованный, Добрынинъ не писалъ зря; онъ, какъ видно изъ его же труда, — во все вдумывался, во всемъ старался дать себѣ отчетъ и поэтому уклоненія его отъ общепринятыхъ грамматическихъ правилъ — составляютъ не незнаніе этихъ правилъ, а нѣкоторую своеобразность причудливаго писателя. Другая особенность изложенія Добрынина состоитъ въ томъ, что онъ часто пестритъ свой рассказъ примѣчаніями, которыя и помѣщаетъ въ выноскахъ. Такъ какъ эти примѣчанія иногда весьма длинны, притомъ же интересны и вполне вѣдутся съ общимъ ходомъ разсказа, то мы нашли удобнѣйшимъ большую ихъ часть помѣстить въ текстъ.

Первый томъ рукописи занимаетъ 253 страницы: здѣсь помѣщена первая часть. На заглавномъ листѣ уже повдѣйшимъ почеркомъ автора написано слѣдующее заглавіе:

«Истинное повѣствованіе или жизнь Г. Д. имъ самимъ писанная. Часть первая. Въ Могилевѣ и въ Витебскѣ».

Второй томъ рукописи 328 стр., заключаетъ вторую и третью части «Повѣствованія». Сбоку, въ кружку — неизвѣстною рукою, противъ буквъ «Г. Д.» написано: «пожившаго 72—2—20». То-есть: 72 года, 2 мѣсяца, 20 дней; а такъ какъ авторъ родился въ 1752 году 20 марта, то время кончины его воспослѣдовало 10 іюня 1824 года.

Чтобы имѣть о Добрынинѣ свѣдѣнія внѣ тѣхъ, какія находятся въ запискахъ, мы обратились въ мѣсто послѣдняго его служенія — въ Витебскъ. Николай Романовичъ Шулепниковъ съ полнѣйшею обязательностью сообщи намъ изъ архива Губернскаго Правленія слѣдующую копию съ формулярнаго о службѣ Добрынина списка:

«Губернскій прокуроръ, коллежскій совѣтникъ Гавріилъ Ивановъ сынъ Добрынинъ, 69 лѣтъ, орденовъ св. Анны 2 класса съ алмазными украшеніями и св. Владиміра 4 степени кавалеръ.

Изъ Малороссійскихъ дворянъ.

Имѣеть дворовыхъ 4 мужскаго пола души.

Канцеляристомъ въ Сѣвскую духовную консисторію 1773 г. въ октябрѣ.

Продолжая службу въ бывшемъ Могилевскомъ намѣстничествѣ, произведенъ провинціальнымъ протоколистомъ 1777 г. въ декабрѣ.

Губернскимъ секретаремъ 1778 г. въ апрѣлѣ.

Опредѣленъ въ могилевскую верхнюю расправу страпчимъ 1782 году въ сентябрѣ.

Награжденъ чиномъ коллежскаго секретаря.

Титулярнаго совѣтника 1783 г. въ февралѣ.

Опредѣленъ страпчимъ въ могилевскій верхній земскій судъ 1778 г. въ декабрѣ.

Награжденъ чиномъ коллежскаго ассесора 1788 г. 31 декабря.

Опредѣленъ могилевскимъ губернскимъ страпчимъ 1796 г.

По соединеніи обѣихъ бѣлорусскихъ губерній въ одну Витебскую въ витебскій нижній земскій судъ комиссаромъ 1797 г. 1 мая.

Главнаго суда во 2 департаментѣ совѣтникомъ 1800 г. 7 июня.

Награжденъ чиномъ надворнаго совѣтника 31 декабря.

Коллежскаго совѣтника 1807 г.

По представленію бѣлорусскаго военнаго губернатора, герцога Александра Виртембергскаго пожалованъ орденомъ св. Анны 2 класса 1812 г.

Опредѣленъ губернскимъ прокуроромъ 1814 г. 10 сентября.

За 35-ти-лѣтнюю службу въ классныхъ чинахъ всемілостивѣйше пожалованъ орденомъ св. равноапостольнаго князя Владиміра 4 степени 1817 г. 12 ноября.

Всемилостивѣйше пожалованъ орденомъ св. Анны 2 класса съ алмазными украшеніями 1823 г. 13 февраля.

Вмѣстѣ съ симъ Н. Р. Шулепниковъ увѣдомилъ, что въ 1824 году Добрынинъ уже значится умершимъ и на его мѣсто назначенъ новый прокуроръ. Такимъ образомъ желаніе Гавріила Ивановича, выраженное въ послѣднихъ строкахъ записокъ, о томъ, чтобы скорѣе умереть, исполнилось очень скоро: еще въ апрѣлѣ 1823 года онъ оканчивалъ свое «Повѣствованіе», а уже въ іюлѣ 1824 года его не было на свѣтѣ.

Сообщенная изъ Витебска справка любопытна, между прочимъ, тѣмъ, что Добрынинъ значится въ ней «изъ малороссійскихъ дворянъ». Очевидно, что таковая отмѣтка могла явиться въ формулярѣ лишь со словъ Добрынина, между тѣмъ, какъ изъ его-же «Истиннаго повѣствованія» мы очень хорошо видѣли, что онъ былъ изъ духовнаго сословія...

Ред.